

✓

д. I. 7.

1933к
641

Из книг

А.Н.Островского

It laebr

1) Brau ~~hannar~~!

2) Knyf Aukka ngpr Muxauwobarb Thep. Nou

3) Claps Oqbturr.

2.

КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТВЕРСКОЙ.

1327—1340 гг.

Сердце на Волховъ, душа на Великой.
(Пословица).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Александръ Михайловичъ Тверской.

Княгиня Анастасія, жена его.

Князь Федоръ

Князь Михаилъ

Князь Константинъ Михайловичъ

} ихъ дѣти.

} братья князя Александра.

Князь Василий Михайловичъ

Забота, княжой бояринъ.

Стояновъ, княжой тиунъ.

Доль, курляндецъ, выѣхавшій къ князю Александру.

Иванъ Даниловичъ Калита, великій князь московской.

Лука Протасевъ, его бояринъ.

Воевода князя московскаго.

Митрополичь, бояринь.

Гонецъ, изъ московскаго отряда.

Князь Василий Давыдовичъ, Ярославской.

Абрамъ, тысяцкой новгородскій.

Шолога, посадникъ

Истома, тысяцкой

Семейка, торговый человекъ

Немятой,

горожане.

Бархатъ,

Псковскіе.

Кручина

посадскіе.

Жердь,

1-й и 2-й Людины.

1-й и 2-й, Старики Тверитяне.

Няня дѣтей князя Александра.

Сынная дѣвушка княгини Анастасіи.

Жена Истома, псковскаго тысяцкаго.

Гостья, псковитянка, изъ горожанокъ.

Гусларь.

Толмачъ.

1 й и 2 й Отроки князя Александра.

Отрокъ князя московскаго.

Отрокъ Луки Протасьева.

Народъ. Татары.

Дѣйствіе происходитъ во Псковѣ, Новгородѣ, Москвѣ, Твери и въ Ордѣ.

(Между 3 и 4 дѣйствіями проходитъ 10 лѣтъ).

Стояновъ. Природныхъ князей кто можетъ волости лишить... а отъ грѣха ушелъ.

2-й людинъ. Отъ Татаръ?

1-й людинъ. Погоди. (*Стоянову*). Что-же разграбили стадо волость его, выжгли?

Стояновъ. Нешто! Татары съ княземъ московскимъ Иваномъ, по наказу ханскому раззорили.

1-й людинъ. Чего-же онъ глядѣлъ? Не стоялъ за свою землю.

Стояновъ. Говорять тебѣ: отъ грѣха ушелъ, отъ кроволитья.

Голоса въ народѣ. Христіанинъ стало; пожалѣлъ волости. Не справился... Сталь-бы жалѣтъ, кабы сила была... Мало что сила; кто Бога помнитъ, пожалѣветъ, подуматъ, лучше-де я отступлюсь. Рать кормится, міръ плачетъ.

II.

Жердь. (*входитъ, кланяется*) Что это, братцы, собрался народъ-отъ?

Немятой. Послы, вишь, съ Москвы пришли ко князю, который къ намъ наѣхалъ; такъ вотъ и ждетъ народъ; выдутъ, бають, скоро.

Жердь. Дѣло. Тутъ князь-отъ стоять?

Немятой. Тута.

1-й людинъ. (*Стоянову*). А пошто это съ Москвы-то къ нему пріѣхали?

Стояновъ. Татары зовутъ его въ орду, вишь, на судъ. Вотъ, по него и пріѣхали.

1-й людинъ. Такъ Москвѣ-то что за нужда по него ѣхать?

Стояновъ. Стало нужда есть.

2-й людинъ. Вонъ, вѣдь, оно дѣло-то какое: Сильнѣе чорта сталъ татаринъ-отъ, дуй его горой. Вишь каки дѣла дѣлаеть: братъ по брата ѣздить.

Голоса: Вотъ идутъ некакъ. Который съ Москвы-то, братцы? Вонъ сѣдой-то, поджарый. А другой-то? Другой изъ Новгорода.

III.

АБРАМЪ И ЛУКА (*сходятъ съ крыльца*)

ЛУКА Протасьевъ. Добраго здоровья, міряне.

(*Толпа кланяется*).

АБРАМЪ. (*немного приподнимаетъ шапку*). Эко народу-то. Чего не видали? Словно на диво како глазбють.

Кручина. Спѣсивъ этотъ рыжобородый-то.

1-й людинъ. Рыжій да плѣшивый—люди спѣсивы, не мимо сказано.

ЛУКА Протасьевъ. Прощенья просимъ.

(*Вся природа машетъ шапками, послы проходятъ между народомъ*).

IV.

1-й людинъ (*указывая на Луку*). Ну, этотъ безъ подмазки въ душу влѣзеть.

Голоса: Кому не вдомекъ,—мужикъ доброй. Видать. Путь-наго не пошлютъ на эдакое дѣло, по чужу голову.

Кручина. Знать ужъ домой собираются.

Стояновъ. Владыко-то, гляди ужъ не уѣхаль-ли?

Кручина. Нѣтъ. Вozy стоятъ еще у владычня двора. Видно вмѣстѣ сговорились ѣхать.

Стояновъ. За дѣломъ пріѣзжали, неча сказать.

1-й людинъ. Да, вѣдь, либо Богу молиться, либо чорту поклонъ.

Немятой. Что посла-то лаятъ? Посоль что сума: что положить, то и несеть; чѣмъ послы-то виноваты!

Кручина. Толкуй чѣмъ виноваты... При прежнихъ посадникахъ, небось, Москва немного находзяйничала-бы въ Новъ-городъ.

Стояновъ. Охъ огрѣветъ ихъ Москва; спокаются да поздно будетъ.

Немятой. Да вѣдь что станешь дѣлать-то, добрый человекъ? Сила. Куда ты безъ нея безъ Москвы-то дѣнешься?

Стояновъ. Вона... Новугороду великому дѣться безъ Москвы некуда.

Немятой. Да куда... Пути займеть: ни жита, ни товару не пропустить Московской; поперечь-ка ему, куды тогда?

Стояновъ. Пути-то и на Тверь чисты. Не пустиль Новгородъ князь Александра Михайловича—спокается. Дай-ка Новгородцы-то Тверскимъ хоть половину серебра, да золота, которо они на Москву-то перетаскали, — были-бы пути на всѣ четыре стороны.

Кручина. Вѣстимо такъ. Чѣмъ же, какъ не новгородскимъ серебромъ да золотомъ московскіе и великое-то княженье купили. Числа, мѣры нѣту добру-то, кое они Москвѣ пердавали...

Немятой. Тверскіе сами виноваты, друже; гордость одолѣла. Въ ордѣ-то надо съ умомъ дѣла дѣлать; прытью не удивишь, только себя истомишь.

Стояновъ. Ты, я вижу, слышалъ, что звонять, да не вѣдашь гдѣ. Кто возгордился-то? Тверскіе-ли? Князь-то Михайль, царство небесное, при владыкѣ, чать, да при боярахъ отступался отъ великаго княженья. Всѣ въ одно слово сказали ему въ ту пору: „правъ ты, господине; ты во всемъ племяннику уступаешь.“ А что въ волости-то князь Михайловой опослѣ того племянникъ-отъ дѣлалъ? Жгли, да грабили, ровно, прости Господи, нехристи какіе, на Твери. И тутъ князь Михайль, зла не помня, смирился, самъ началъ, на Синявскомъ снимались... поѣдемъ, батъ, въ орду, умилостивимъ хана, абы чѣмъ помочь православнымъ христіанамъ. А Юрій-то, сдумавшись съ проклятымъ Кавгадыемъ, напередъ стрекнулъ небось, да и наговорилъ невѣсть чего хану: и княгиню-то его, Юрьеву, уморилъ князь Михайль, и выходы-то не всѣ отдалъ, и противъ посла бился, и... одинъ Господь вѣдаетъ чего не наплели.

Немятой. Своя рубаха ближе къ тѣлу. Что дѣлать-то.

Стояновъ. Нѣтъ ужъ это вражда, ненависть говорила его устами. Убили князя Михаила въ ордѣ и тѣла-то не прикрыли; ужъ татаринъ князя-то Юрія надоумилъ: „вѣдь онъ те-

бѣ“. говоритъ, „братъ старѣйшій, тотъ же отецъ, а тѣло его наго брошено.“ Такъ тутъ ужъ князь-отъ Юрій вашъ догадался, велѣлъ накрыть какой-то одеженкой, ровно нищаго. Вотъ какая вражда была!

Кручина. Баютъ, повозникъ, отрокъ-ли нѣкакой, это какъ тѣло-то везли, въ Маджаракъ, слышь, легъ на гробъ-отъ, такъ, слышь, такъ и метнуло его съ гроба-то. Стало угоденъ Господу былъ князь благовѣрный.

Стояновъ. Да вѣдь и смерть-то его поразскажутъ: сидѣлъ у него сынъ Константинъ; приказалъ онъ ему про княгиню, про сыновей, про бояръ, даже до меньшихъ, никого не забылъ, да и говоритъ: „дайте-ко,“ говоритъ, „мнѣ псалтирь, вельми прискорбна душа моя“. Почуялъ, знать, святыхъ зватаевъ, по душу его пришедшихъ. Подали книгу, разогнулъ, и вынялось ему: внуши Боже молитву мою и вонми моленіе мое; не успѣлъ онъ псалма-то прочитатъ, вбѣгаетъ отрокъ, блѣдный, что полотно: „Кавгадый“, батъ, „и князь Юрій со множествомъ народа ѣдутъ прямо къ твоей вежѣ, господине.“ Онъ всталъ, вздохнулъ, да и говоритъ: „вѣдаю,“ говоритъ, „на что они ѣдутъ, на убіеніе мое.“ Безъ слезъ слушать нельзя, поразскажутъ.

Кручина. Угодный Богу человекъ.

Немятой. Ну, это такъ, положимъ. А князя-то Александра Михайловича не гордость обуяла, сожегъ на Твери брата-то ханскаго? Подумаль-ли онъ: что-де я дѣлаю пагубу одну христіанамъ? Что-де съ этого будетъ?

Стояновъ. Да онъ-ли началъ-то? Не поди онъ тогда противу татаръ, тверичей-то всѣхъ, какъ барановъ перерѣзали-бы... Щелканъ-то и князей и дружину замыслилъ извести, самъ хотѣлъ сѣсть на тверской столъ.

Немятой. Такъ-ли полно?

Стояновъ. Да вѣдь Иванъ Щека, да Дементій-то живые люди, сами слышали переговоры-то татарскіе. А на что они коней-то снаряжали, да оружіе готовили? На Успеневъ день въ обѣдню всѣхъ думали перерѣзатъ, и перерѣзали-бы, не упреди ихъ князь Александръ Михайловичъ.... Да тутъ не князь, безъ князя-бы передушили; не въ моготу землѣ пришло: двора вѣдь не было, гдѣ-бы не плакали, да не тужили,

кто по сестрѣ, кто по дочери. А въ селахъ-то, жалости достойно, выжжено, пограблено; селяне ровно звѣри, по лѣсамъ скитаются, холодъ и голодъ терпятъ, горемъ да нуждой ребятъ пеленають. А въ полоу что было нашихъ; не оставить же было ихъ въ рукахъ у поганыхъ. Тутъ не князь, вся земля поднялась, кровь заговорила.

Кручина. А и потѣшились, бають, цѣлый день, слышь, бились?

1-й людинъ. Еще-бы!

Стояновъ. Было дѣло; какъ есть цѣлой день. Къ ранней обѣдни зазвонили, я проснулся, поглядѣлъ въ окно, заря стала заниматься; думаю, не опоздать-бы, разбудилъ своихъ молодцовъ, велѣлъ коня сѣдлатъ, а самъ вышелъ за ворота: народу видимо-невидимо валить по улицѣ, кто съ оружіемъ, кто съ вилами, съ цѣпами, кто съ чѣмъ... Я въ избу, помолился, округился на скоро, а сердце такъ и стучаесть, — что-то, думаю, Богъ дастъ? Сѣлъ на коня, поѣхалъ съ молодцами на торгъ, князь Александръ ужъ тамъ съ дружиною; народъ изговоряется: кто рогатину ладить, кто охабень сымаетъ, разуваесть. Не успѣли мы къ стягу подѣхать, глядимъ, татары повалили съ горы, изъ-за Иванкина двора, прямо на насъ. Какъ завидѣли мы ихъ, оправили оружье, перекрестились... да безъ княжаго слова и пустили коней. Схватились; тутъ и пошла рѣзня, — до вечера рубились: проѣдешь сквозь нихъ, окоянныхъ, дашь вздохнуть коню, повернешь, да опять въ середину; руки отыматься стали. Къ вечеру, глядимъ, начала подаваться татарва; Щелканъ воротилъ коня, да ко своему двору помчалъ съ дружиной.

Кручина. А гдѣ онъ стоялъ?

Стояновъ. На княжомъ дворѣ, на старомъ княжѣ Михайловомъ. Мы тутъ въ сугонъ за ними. Татары вомчали на дворъ, ворота заперли; тутъ было наши пѣшцы съ топорами подбѣжали: „разноси заборъ, кричатъ, князь Александръ Михайловичъ подѣхалъ: „стой“, говоритъ, братья, не такъ ихъ надо, окоянныхъ; Богъ да будетъ отместникъ за отца моего и за брата. Хворосту соломы.“ Откуда ни взялась солома, хворость; подложили подъ углы и запалили; сначала дымокъ потянулъ къ верху, больше, больше; глядимъ,

поломя показалось кое гдѣ сквозь крыши, дымъ черный повалилъ и занялось. И... татарва заголосила....

1-й людинъ (*смыется*). Забрало знать. Жарко стало.

Стояновъ. Да бѣжать; столпились на дворѣ, кто лѣзетъ на заборъ, глядимъ ворота настежь отворили; мы ихъ тутъ сѣчь давай, а то поймаемъ, да въ огонь; всѣхъ пережарили, ни одного на сѣмена не оставили, сказалась имъ мирская слеза; будутъ Тверь помнить.

Немятой. Бойко наскочилъ, да напоролся на копылъ. Вотъ теперь ступай и рассчитывайся съ ними. Словомъ, да поклономъ лучше-бы.

Стояновъ. Это намъ и бабы говорили.

Кручина. Каки тутъ поклоны и впрямъ, коли ужъ перерѣзать всѣхъ задумала окоянная татарва. Что тутъ поклономъ сдѣлаешь?

Немятой. Молодецъ молодой конь, а съ нимъ безъ хлѣба насидишься, старики говаривали. Прощайте-ко.

Стояновъ. Умъ бороды не ждетъ. Прощенья просимъ.

(*Приподнимаютъ шапки и уходятъ въ разныя стороны*).

Голоса. А донялъ татарву, такъ ихъ и надо. Надо, ненадо, не стерпѣла душа, на просторъ пошла. А что-же, впрямъ шею что-ли подставлятъ было ему? Да, вотъ былъ со всѣмъ, а сталъ ни съ чѣмъ. Видно нонче на прямикъ-отъ ходить плохо, не ко времю. Да вѣдь—не нашли Богъ ворога, а добрые люди найдутся, оберуть.

(*Расходятся*).

V.

Кн. Александръ Михайловичъ, Шолога, Забота
(*сходятъ съ крыльца*).

Кн. Александръ Михайловичъ. На добромъ словѣ кому не спасибо Антипъ Демьянычъ; доброе словечко, что въ жемчугѣ.

Шолога. Мы тоже вѣдь хоть просты, а видимъ съ кѣмъ рѣчь ведемъ, слухомъ земля полнится, каково поживешь, таково и прослынешь, князь Александръ Михайловичъ. А

другое дѣло у насъ это изстари: по князь Александрову слову Ярославичеву, когда онъ Опсковъ отъ Нѣмцевъ свободилъ, на радости послѣ побѣды сказалъ Псковичамъ: аще кто прійдетъ въ печали во Псковъ и не пріймите его, не почтете, наречется вторая жидова. Вотъ оттуда у насъ такъ и повелось, княже милостивый.

Кн. Александръ Михайловичъ. Послужилъ-бы я вамъ, да пока нечѣмъ, кроме спасибо; въ своемъ добрѣ, да воли нѣтъ. Раскусилъ-бы тогда Новгородъ Великій, кто ему доброжелатель, а кто... Руки связаны, что дѣлать? Не, наше время, знать?

Шолога. На это не серчай, кто на конѣ ѣзжалъ, тотъ и подъ конемъ бывалъ. Не гляди, что другіе-то въ чти, да въ славъ; про иного звонъ-отъ и великъ, да не красенъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не красно да сытно; а что вотъ во мнѣ.

Шолога. Да вѣдь чего она и стоитъ эта сытость-то: ты былъ въ ордѣ-то нечего тебѣ рассказывать. (*Молчатъ*) Вѣдь ужъ вотъ ты, съ своей-то прямою, много-ли у татаръ выслужилъ. Вернулся съ тѣмъ-же съ чѣмъ поѣхалъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Орда покупное дѣло.

Шолога. Что орда, тутъ не орда,—нашъ ворогъ ближе... Когда бывало: князя старинные въ землѣ отцовской, дѣдней, участія лишены? Посадники новгородскіе при москвичахъ рта разинуть, слова молвить поперегъ не смѣютъ. Ты видѣлъ давича? Мы-ста съ нимъ сладимся, — укрѣпимся по старинѣ, по грамотамъ княжъ Ярославовымъ. Попытайся-ка они уладиться. Нѣтъ, въ старину не такъ князя съ народомъ жили. Молчали ли посадники?

Кн. Александръ Михайловичъ. Будь большой, а, временемъ, и меньшихъ слушай.

Шолога. Въ чемъ-же у насъ и рознь-то съ Новгородцами. Золотомъ глаза имъ залѣпило. Кому—кому, Лукъ Протасьеву, Абраму вѣрять... Мы знаемъ и Луку, да и Абрама: видимъ, куда они гнутъ оглоблю-то.

Завота. А, надо, ждуть князя Ивана въ Новгородъ въ скорости.

Кн. Александръ Михайловичъ. Послы ничего не говорили, а по виду-то у нихъ съ нимъ лажано.

Шолога. Приѣдетъ. Къ хлѣбу кого не тянетъ! Слышалъ, чай, Абрамъ-то выхвалялъ: и богомольный-то Иванъ Даниль-ечъ, и мниховъ-то жалуетъ и милосердный... Знаемъ мы этихъ праведниковъ: со Спаса деретъ, да Миколу кроетъ.

Завота. Въ ордѣ почетъ и въ Новгородѣ ворота настезь.

Шолога. На почетъ у татарина не само надѣйся; пона-дѣшься, какъ разъ голову въ ордѣ оставишь.

Кн. Александръ Михайловичъ. Золото новгородское да серебро умолить.

Шолога. Такъ-то такъ: калита братъ, калита и другъ, да вѣдь и правда-то елей на верхъ всплываетъ; тоже и ее въ сучокъ вѣдь не засунешь; ее-то погубишь, да и самъ съ ней пропадешь. (*Молчатъ*). Отъ устъ своихъ осудятся. Предтечу-то Иоанна Иродъ обезглавилъ, али Петра и Павла Неронъ, и иныхъ, а что случилось съ ихъ царствомъ-то? Что сдѣлалъ дома-то Владыко? Злыхъ злѣ погуби и вертоградъ преда другимъ дѣлателямъ: греческіе цари стали имъ наследниками.

Кн. Александръ Михайловичъ. Что заваришь, то и расхлѣбаешь.

Завота. Слышно, опять проговаривали московскіе въ Новгородѣ о дву тысячахъ серебра закамскаго.

Шолога. Другого чего ждать. Чѣмъ-же въ ордѣ и держаться, какъ не серебромъ да золотомъ.

Завота. Отогрѣетъ Новгородъ-Великій змѣю за пазухой.

Шолога. За дѣдо имъ; упрямы больно, гдѣ не надо, вотъ на нихъ воду-то и возятъ. Какъ-ста намъ съ Опсковичами свѣчатся? Опсковъ нашъ пригородъ. А сборъ какой, такъ прежь всего въ Опсковъ: „давай“. А случись Опскову нужда какая, попроси Псковъ помочи—съ мѣста не тронутся, перстомъ не шевельнутъ, наровятъ еще тебя-же въ руки забрать.

Кн. Александръ Михайловичъ. Правду затеряли. Времячко; повсюду вражда одна, да злоба: братъ на брата, сынъ на отца... Мало еще Богъ насъ, по грѣхамъ по нашимъ, караетъ.

Завота. Терпитъ, терпитъ, да и не такъ покараетъ; добра не жди отъ вражды да ссоры.

Шолога. Бога позабыли; одно лукавство на умѣ у каждаго. Ты видѣлъ давѣ, московскіе-то съ Абрамомъ пріѣзжали; вѣдь говоритъ, словно змѣя какая извивается; ты его и такъ и сякъ, а онъ знай свое,—все въ сторону. Гдѣ-же у нихъ Богъ-отъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. И изъ чего кривить душой-то человѣкъ, подумаешь? Длинна-ли жизнь-то наша. Что роса утренняя... Изъ за чего другъ друга заѣдаемъ, да губимъ.

Завота. Глаза завидуши у насъ. Дѣдъ у меня говаривалъ: „сосѣдъ“, батъ, „спать не даетъ,—больно хорошо живеть.“

Шолога. Все мало намъ. Не мимо прибаутка-то: вѣль мужикъ щи съ кашей долго; положилъ ложку, распоясался, перевелъ духъ, да и началъ снова. Ну, одначе, поѣдемте, не опоздать-бы; пожалуй, гости-то прежь хозяина наѣдутъ и привѣтять некому. Не вѣшай буйну голову Александръ Михайловичъ; потолкуемъ, авось придумаемъ что-нибудь. Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто, а гдѣ хитро, тамъ нѣтъ ни одного.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не о себѣ тужу я Антипъ Демьянычъ, матушку да братьевъ жаль; какъ вспомню я: изъ чьей руки они, родимые, куска хлѣба ждуть, такъ сердце и заноетъ. А народу-то на Твери, народу-то каково сердешному? Выжжено, разорено. Да какъ подумаешь: самъ-де это ты надѣлалъ... Стерпѣть-бы надо; — не стерпѣлъ; что станешь дѣлать?

Шолога. Богъ дастъ устроишься, всѣхъ устроишь.

Кн. Александръ Михайловичъ. Твоими-бы устами медъ пить.

Шолога. Мы съ печалью, а Богъ съ милостью, старики говаривали. Старина-то, вѣдь, съ мозгомъ. Такъ-ли дѣдъ?

Завота. Слово вѣрное. *(Уходятъ)*

ДѢЙСТВІЕ 2.

Новгородъ.

(Палата со сводами, по стѣнамъ лавки, покрытыя поволочниками, рѣшотчатыя окна.)

Московскій князь Иванъ Даниловичъ сидѣтъ на возвышеніи на рѣзномъ стулѣ, онъ одѣтъ въ становой кафтанъ; шапка парчевая съ собольей опушкой. Лука Протасевъ, Абрамъ и нѣсколько другихъ Новгородцевъ лучшихъ людей. Ближе къ великому князю, но тоже рядомъ съ боярами, сидятъ: князь Константинъ Михайловичъ, князь Василій Михайловичъ, братъ его.

Князь Иванъ Даниловичъ. Изволеніемъ Божиимъ и молитвами отца нашего митрополита Феогноста всея Руси и Моисея архіепископа новгородскаго, мы въ Новгородъ великій въ свою отчину и дѣдину, нонѣ, далъ Богъ прибыли. Помощи Господней будемъ просить, дабы помогъ намъ царь небесный, на лица не взирая, богатому и нищему наравнѣ, никому не норовя, судъ и правду творить. Первое дѣло въ томъ есть, чтобы правда княжая до людей доходила. Буде-же кто оклеветанъ былъ къ намъ по навѣту злыхъ людей, кто злословилъ насъ, по немощи человѣческой, либо по невѣдѣнію, тѣхъ всѣхъ прощаю, и не токмо мстить, но молить Бога станемъ за нихъ по Божественной заповѣди: молитесь другъ за друга, да изцѣлѣете. Кому-же я грѣшный вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, словомъ или дѣломъ досадилъ, того прошу простить и меня грѣшнаго, Христа ради.

Всѣ (встаютъ и кланяются). Насъ прости, княже великій. Богъ тебя проститъ.

Князь Иванъ Даниловичъ (кланяется привставъ съ миста). Одно мнѣ горько, отцы и братья, — совѣтомъ да любовью жить и съ вами, да и со всѣми, вѣкъ бы мнѣ хотѣлось, — въ сердцѣ моемъ вражды ни противъ кого, какъ передъ Го-

гомъ, передъ вами говорю нѣту никоея,—были мы у царя въ ордѣ съ князьями Константиномъ и Василиемъ Михайловичами Тверскими; Ѳедоръ Колесница новгородецъ вашъ тоже съ нами былъ, на нихъ пошлюся, они видѣли, сискаляли я чьей головы, копали-ли кому яму? Не въ похвалу себѣ, окромѣ добраго слова за братью и за христіанъ, слыхалили отъ меня что.

Кн. Василій Михайловичъ. На томъ тебѣ спасибо, земское спасибо, княже, воистину никто ничего не слыхалъ отъ тебя, кромѣ добраго.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Сдѣлалъ я, или нѣтъ добро для кого,—это другая рѣчь. Не все сбывается, чего желается.

Аврамъ. Дорого жаланіе; а ужъ что не подъ силу, не подынешь, хотъ и радъ-бы.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Нну... (*вздыхаетъ*). Вѣдомо вамъ и изъ грамотъ моихъ и отъ Ѳедора, что царь всюду намъ искать повелѣлъ князя Александра Михайловича Тверскова. Горько намъ это, Богъ видитъ. каково по братню голову, хотъ и по чужой волѣ идти, да еще въ такіе дни, какъ нояншіе,—великопостное, молитвенное время; а не послушаться царя, какъ-бы всей землѣ лиха не нажить; ослушанья нашего такъ не оставятъ въ ордѣ, вамъ татарской обычай вѣдомо. Какъ тутъ дѣлать,—я ума не приложу; научите. Умъ хорошо, два лучше; сто головъ, сто умовъ. Подумайте.

(*Молчаніе*)

Голоса. (*Говорятъ одинъ изъ-за другаго. Князь Константинъ и Василій Михайловичи молчатъ*). Какъ быть? Не посылать нельзя. Провѣдаютъ, а може ужъ и провѣдали, что въ нашей волости живетъ. Съ сильнымъ какъ бороться. Псковичи... Да что псковичи, они тамъ кашу заварятъ, а мы разхлебывай; въ чужомъ пиру похмѣлье. Чай у него своя голова на плечахъ была, самъ колотилъ татаръ, брата ханскаго извелъ, самъ и отвѣчай; мы-то чѣмъ виноваты звать на эдакое дѣло христіанина, братья.. не замай татары сами ищутъ, а своей-то шкурой за чужую вину платиться каково? Думай, не думай, не минешъ посылать во Псковъ; безъ этого не обойдешся.

Лука Протасъевъ. Вѣдь были ужъ во Псковѣ, мы съ владыкой ѣздили,—не ѣдетъ.

Голоса. Мало что, не ѣдетъ. Накрошилъ, такъ выхлѣбай. Мало-ли что; не кто соваль; мы-то чѣмъ тутъ виноваты.

Аврамъ. А не пошли, — насъ потянуть къ отвѣту; вѣдь вотъ оно что. Послать надо. По крайности мы тогда свое сдѣдали, себя очистили, а тамъ, что Богъ дастъ.

Голоса. Дѣло видное, не спсылать нельзя. А може онъ повнемлетъ земской просьбѣ; душа у него, чать, христіанская. У всѣхъ у насъ христіанскія, да положимъ-ли ее за брата-та, вѣдь это какъ по духу кто, а мы по плоти.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Мой совѣтъ послать, поговорить: что вотъ де, ради единокровныхъ христіанъ потрудися, сходи. Богъ не безъ милости; вѣдь мы ходили-же и ходимъ; слова нѣтъ, вина его велика передъ ханомъ, да вѣдь и на милость-то образца нѣтъ.

Аврамъ. Посылать такъ посылать; и впрямъ другіе начудять, а Новгородъ въ отвѣтъ.

Голоса. Какъ не раскладывай, а послать надо, Владыко, да и ты, Аврамъ Никитичъ, съѣзди.

Аврамъ. Увольте вы меня. На меня и то ужъ, какъ на звѣря на какого, псковичи глядятъ.

Голоса. Да что тебѣ до псковичей-то... Ты былъ у него, знаешь, ужъ послужи.

Аврамъ. Коли міру надобъ, дѣлать, видно, неча, съѣзжу.

Голоса. Ну вотъ спасибо. А отъ князя кто?

Князь Иванъ Даниловичъ. Да хоть Лука опять съѣздить. Дай Богъ уладить это дѣло полюбовно. Внуши Богъ, князю Александру Михайловичу, а мы молиться станемъ за него да сохранить его царь небесный отъ всякаго зла. *(Встаетъ; всѣ кланяются другъ другу и расходятся неторопливо).*

Голоса. Когда поѣдете-то? Да ужъ завтра съ утра, что Богъ дастъ. Къ владыкѣ надо побывать. Онъ, гляди, не у митрополита-ли? Пожалуй, къ завтраму не соберешься.

Лука Протасьевъ. Да чего намъ собираться-то. Что владыко скажетъ, а наши сборы не долги.

Аврамъ. Къ владыкѣ, да и въ путь. Каки тутъ сборы? *(Расходятся).*

II.

Псковъ.

(Палата со сводами на княземъ дворъ; по стѣнамъ лавки; по серединѣ скамья, накрытая полавочниками; полъ устланъ коврами; вверху полукруглая, слюдная оконница, сквозь нее видны по временамъ женскія головы).

Князь Александръ Михайловичъ, Шалоба, Истома, Немятой, Бархатъ, Завота, Стояновъ и еще нѣсколько псковичей лучшихъ людей; народъ толпится у дверей. Всѣ входятъ вмѣстѣ и разсаживаются по лавкамъ. Князь Александръ Михайловичъ садится съ краю на рѣзномъ стулѣ на ряду съ прочими.

Бархатъ. Что это Семейки Петра Иваныча нашего не видать?

Истома. Куны, знать, считаетъ; вечерсь пшеницу шведамъ продалъ; раздобрѣлъ (входитъ Семейка). Вотъ онъ. Вишь, пазуха-то кака толстая. (Всѣ усмѣхаются). Что поздно? Али серебро считалъ?

Семейка. Эхъ ты балагуръ Иванычъ. Здравствуйте. Здорово, княже. Знать не бывали еще гости-то. А я ужъ думалъ, запоздалъ.

Истома. Еще бороды разглаживаютъ новгородцы; такають; поди: „такъ, такъ“ а толку нѣту.

Бархатъ. А толковать здоровы.

Истома. На тощакъ не сговоришь.

Отрокъ (входитъ). Послы пріѣхали, господине княже.

Князь Александръ Михайловичъ. Просимъ милости. Зови.

Лука Кузьмичъ и Аврамъ. (Входятъ).

Аврамъ. Добраго здоровья, княже, (кланяется особо князю, потомъ на всѣ стороны) и вамъ всѣмъ добрымъ людямъ.

(Всѣ приподымаютъ шапки)

Князь Александръ Михайловичъ. Добро пожаловать; садитесь гости дорогіе (приподымаетъ немного шапку). Кня-

зя Ивана Даниловича и всаь, людей новгородскихъ, какъ Богъ милуетъ?

Абрамъ (*Встаетъ и снимаетъ шапку*). Великаго князя московскаго и всея новгородскія и псковскія земли отчича и дѣдича, Ивана Даниловича, оставили, Господь даль, въ добромъ здоровьи. Новгородцы тебѣ, такожъ, челомъ бьютъ и о княжомъ здоровьи твоёмъ провѣдать, какъ можно, намъ наказывали.

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо; Богъ хранить пока. (*Молчаніе*).

Абрамъ. Князь Иванъ Даниловичъ и всѣ люди московскіе, новгородскіе и тверскіе послали насъ къ тебѣ, княже, съ великимъ челобитьемъ: о прошлой осени, какъ вѣдомо тебѣ ходили великій князь Иванъ Даниловичъ и братъ твой Константинъ Михайловичъ въ орду къ царю, а новгородцы посылали отъ себя, въ тѣ поры новгородскаго челоуѣка, Федора Колесницу; и отпустилъ ихъ царь Озбьякъ, наказавъ накрѣпко, тебя князя Олександра, всюду искать. И послалъ князь великій Иванъ Даниловичъ съ Москвы къ тебѣ, князю Олександру, во Псковъ пословъ своихъ, и Новгородцы посылали въ ту пору отъ себя владыку Моисея и меня Авраама, съ великою мольбою, чтобы ты въ орду, по повелѣнію ханскому, безъотложно шелъ. И ты тѣхъ пословъ великокняжескихъ и нашихъ, въ тѣ поры, не послушалъ. Новъ великій князь Иванъ Даниловичъ въ отчину и дѣдину свою великій—Новгородъ прибывъ, сдумавшись съ братьями твоими, Константинъ и Васильемъ Михайловичами, и со всѣми новгородскими людьми, хрестьянъ жалѣя, повелѣлъ намъ идти къ тебѣ вдругорядъ во Псковъ молить тебя, княже, повелѣнья царева не ослушаяся, потрудиться сходить въ орду, дабы православнымъ хрестьянамъ и всей землѣ отъ такова твоего ослушанья лиха не нажить. Слезно просимъ тебя, княже, поиди въ орду, а не погуби хрестіанъ отъ поганыхъ (*Послы кланяются*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Владыко новгородскій, послы отъ князя Ивана и отъ великаго Новгорода у меня были; о повелѣньи ханскомъ сказывали и въ орду мнѣ со всякимъ преценьемъ и угрозами идти повелѣвали, а не мо-

лили... какъ ты молвилъ. На тѣ угрозы ихъ я, сдумавшись съ дружиною, отвѣчалъ: „дивно де мнѣ, послы, что князь московскій съ новгородцами въ мою опришнину, въ мои орудья вступается. Мы тверскіе великіе князья, ни коли у московскихъ подъ рукой не бывали, сами на великомъ княженіи сиживали, сами съ ордою вѣдались и вѣдаемся; хотимъ слушать ханскаго велѣнья,—слушаемъ; не хотимъ,—своей головой отвѣчаемъ“. Съ тѣмъ послы ваши новгородскіе и князь Ивановы, въ тѣ поры, отъ насъ и отъѣхали (*молчитъ*). Хрестьянъ-же ради, какъ ты молвилъ, за земское дѣло отецъ мой, великій князь Тверской Михайло Ярославичъ братъ Митрій, и прежь того, многіе сродники наши головы свои положили, вѣнцы мученическіе пріяли, смерти и мукъ тѣлесныхъ не ужасаяся, съ радостію и ликованіемъ, какъ христіанамъ подобаеть. О томъ князю Ивану и всей землѣ, надо быть, вѣдомо.

Лука Протасьевъ. (*Не глядитъ въ глаза*). Что было промежь вами и московскими, то, что поминать? Нелюбья на насъ и великаго князя Ивана ты, княже, не держи. Онъ и мы зовемъ тебя, нонѣ, на отвѣтъ въ орду не по своей волѣ, а христіанъ жалѣя, гнѣва избывая ханскаго.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нелюбье? Про нелюбье помолчимъ, Лука Протасьичъ; о немъ и рѣчи не было. Что было, тому вонъ Кто судья-то, а не мы... (*молчаніе*). Мнѣ вѣдомо, что вы по ханской волѣ меня зовете; безъ нея станеть-ли братъ брата предавать, мѣнять христіанина на поганыхъ.

Аврамъ. Храни отъ этого Богъ всякаго. Ужъ это христіанское-ли дѣло.

Истомъ. Не христіанское, а бывальщина.

Аврамъ. Гдѣ-же оно бывало-то? Ужъ не во Псковѣ-ли, грѣхомъ. Новгородъ....

Истомъ. Не продасть, а выдасть. (*Молчатъ.*)

Аврамъ. Съ чѣмъ-же намъ ѣхать повелишь, княже милосердный, къ великому князю Ивану Даниловичу, новгородцамъ и ко всей землѣ?

Завота. Что вы обо всей-то землѣ за ходатаи? За вину великаго князя Александра Михайловича вся земля не отвѣт-

чица; на Твери обида на татарь стала, Тверь одна и отвѣтитъ.

Абрамъ. Какъ Тверь одна отвѣтитъ? А во чьей волости-то нонѣ князь Олександръ Михайловичъ живетъ? Чай въ нашей?

Истома. Не въ Новѣгородѣ, во Псковѣ; нашъ хлѣбъ соль ѣсть, не вашъ,—мы и отвѣтчики.

Шолога. Вѣстимо; что Новгороду до того?

Абрамъ. Межь Псковымъ и Новгородомъ со старины раздѣла не было.

Истома. Какъ не бывало! А при князѣ Дѣмантѣ? Да кто намъ закажетъ раздѣлиться-то? Вы что-ли? Ваше дѣло только имѣнье таскать изъ Пскова: наѣдутъ судьи изъ Новгорода, ничего не смысля, бороды разглядать, учнутъ судить, да рядить, абы только пошлины собрать, мошну набить.... одни кормы-то одолѣли, а тутъ еще посудное давай... Я-бы тебя съ женой съ твоей пришелъ судить. Что я знаю, что у тебя — въ семьѣ-то дѣется? Какой-же я судья вамъ? Такъ-то и новгородцы, что они смыслятъ во псковскихъ дѣлахъ, а судятъ.....

Кручина. Гдѣ имъ знать.

Жердь. Что дѣло, то дѣло.

Псковичи. Одна тягота отъ нихъ. Вотъ, гляди, опять наѣдутъ. Судьи праведные... чтобы имъ...

Истома. Знайте вы свое, а мы свое. Въ своей избѣ всякъ самъ большой; а пришелъ чужой, да сталъ указывать,— вотъ тебѣ Богъ, а вотъ те двери.

Псковичи. Давно-бы такъ. Проваливай, да и конецъ.

Лука Протасьевъ. Братья и отцы....

Истома. Ты помолчи, отецъ... ты Москва. Свой съ своимъ бранись, чужой не вяжись, слыхалъ пословицу.

Лука Протасьевъ. Слыхалъ. Да, ровно-бы какъ... она... тутъ не къ мѣсту.

Истома. Къ мѣсту, по нашему. Мы своимъ умомъ живемъ; съ своимъ уставомъ никто къ намъ не суйся.

Абрамъ. Мы пріѣхали ко князю Олександру Михайловичу. О рядѣ со Псковомъ намъ господинъ великій Новгородъ не наказывалъ, объ этомъ рядить, да шумѣть что мы съ тобой

будемъ безъ міра? Пріѣзжайте, ино, къ намъ, коли вы.... Подумаемъ со всѣми.

Истомл. Тутъ думать неча... Думано давно; вамъ баяли Опсковичи: хотите съ нами въ дружбѣ жить,—цѣлуйте крестъ ко Пскову на томъ, чтобы посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ ни сидѣть, ни судить; а отъ владыки судить нашему брату, псковитянину; а изъ Новагорода насъ не позывать ни дворянами ни биричи; а Псковъ Новугороду братъ младшій, мы свѣчались объ этомъ съ вами; небо подкоптилъ вашъ міръ новгородскій-то, три дня стоялъ, да думалъ,— не надумалъ и конецъ; въ тѣ поры надо было вамъ думать-то, не нонче.

Аврамъ. Мы про Өому, а онъ знай про Ерему; рѣчь-то не объ этомъ, друже; мы не за этимъ посланы отъ князя и Новгородцевъ.

Истомл. Толкуй. Мы знаемъ, зачѣмъ вы посланы...

Кн. Александръ Михайловичъ. Эти орудья ваши, не мои, а отъ меня скажи поклонъ князю Ивану Даниловичу; а новгородцамъ и землѣ скажите: я въ орду идти не прочь; храни Богъ, чтобы изъ за меня какое лихо христіанамъ содѣялось; лучше я одинъ умру, нежели все христіанство изгибеть.

(За полукруглымъ окномъ раздается женскій вопль. Женскіе голоса: „Княгиня.... Кто тутъ есть? Дѣвушки... няня... пособиите...“)

Кн. Александръ Михайловичъ. Господи помилуй насъ.... Жена знать... Я выду, посмотрю: что тамъ содѣялось? Не осудите *(выходитъ)*.

Истомл. Услыхала, знать, слова княжіе; переполошилась..

Кручина. Въ окошко, знать, глядѣла.

Шолога. Сохрани ее Господь.

Аврамъ. Пройдетъ. Вѣстимо бабѣ дѣло... Обомлѣла, знать перепугалася.

Истомл. Отъ эдакихъ гостинцевъ и не баба обомлѣеть.

(Шковичи сходятся все въ кучу и тихо говорятъ между собою. Народъ придвигается къ нимъ. Послы стоятъ особо. молча)

Кн. Александръ Михайловичъ. *(входитъ)*. Не осудите,

гости дорогіе. Мой отвѣтъ вы слышали; поклонитесь князьямъ и, господину, Новгороду великому. Теперь прошу...

Истома. Постойте. Опсковичи тебѣ челомъ бьютъ, княже: не ходи въ орду, а буде что... вина какая на тебѣ, — всѣ изомремъ съ тобою воединомъ мѣстѣ.

(Молчаніе).

Кн. Александръ Михайловичъ. Любви вашей я, отцы и братья, вѣкъ не забуду. За хлѣбъ за соль, за пріязнь ко мнѣ, спасибо. Платить-же за добро вамъ зломъ, да гибелью, душа не поворотится; увольте. Никто изъ сродниковъ моихъ хрестьянъ не выдавалъ; всѣ потрудились, пострадали за отцовскую и дѣдную землю. Дай Богъ и мнѣ свой вѣкъ изжить по ихнему, дай Богъ по хрестіански послужить землѣ и хрестіанамъ.

Истома. Да кого ты этимъ спасешь-то? Княже! головы твоей да нашей ищутъ, не спасенья землѣ.

Шолога. Повѣрь не намъ, вѣрь Богу. Мы, вѣдь, видимъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Съ вами жить и умереть отцы и братья. А какъ найди? Останься мнѣ во Псковѣ, сами вѣдаете, васъ подъ ножъ вести. Увольте вы меня, не уговаривайте по напрасну.

Истома. Подъ ножъ пойдемъ съ тобой; всѣ изомремъ какъ сказано.

Псковичи. Всѣ изомремъ; намъ ты надобенъ. Новгородцы въ петлю лѣзутъ, нешто и намъ за ними лѣсть. Вонъ новгородцовъ! Оставайся, княже. Тысяцкой, посадникъ кланяйтесь.

Истома. Грѣхъ тебѣ будетъ, князь. Ты не себя, ты насъ всѣхъ губишь. Это дѣло земское. Мы съ Новгородомъ порѣшили; мы по старинѣ живемъ... намъ нонѣ своя голова надобна, а ты съ насъ ее сьмаешь. Насъ, не себя ты пожалѣй: мы безъ тебя, что тѣло безъ главы. Вся волость наша, что вдовица, куды дѣнется? Всю розно разнесутъ... Ты о хрестьянахъ говоришь... а мы не хрестіане?

Шолога. Умилосердися. Чего тебѣ? Во Псковѣ хлѣба не прѣшь.

Аврамъ. Отцы и братья...

Истома (Абраму). Ну те къ дьяволу... Мы головы положимъ...

Псковичи. Головы положимъ; вонъ ихъ всѣхъ, долбежниковъ, --- новгородцевъ. Здравствуй, князь великій Александръ Михайловичъ Тверской и Псковскій!

(Въ двери льзетъ народъ. За окнами):

Здравствуй князь Александръ Михайловичъ!

Истома. Хлѣбъ соль, посадникъ. *(Изъ толпы передаютъ серебряное блюдо съ хлѣбомъ и солонкой.)*

Шолога *(подаетъ хлѣбъ и соль)*. Прими хлѣбъ-соль, не погнушайся...

Кн. Александръ Михайловичъ. Братья...

Псковичи. Ты намъ любъ всѣмъ. Неча толковать. Ты о землѣ прямой радѣльщикъ. Видимъ мы. Просите.

Истома. Пришолъ не стой, хозяйна не томи.

Шолога. Хлѣбъ-соль отъ Пскова.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да будетъ Его святая воля! Видно Богу такъ угодно. Спасибо за хлѣбъ за соль. Отнынѣ я слуга Опскову: дай Богъ за святую Троицу, да застарину постоять и умереть, коли лучится *(Беретъ хлѣбъ-соль и передаетъ Заботь)*.

Истома. На томъ и крестъ цѣлуй. Звоните вѣче.

Псковичи *(начинаютъ выходить понемногу)*. Крестъ цѣловать. Къ святой Троицѣ, братья! Съ княземъ къ святой Троицѣ. Поповъ оповѣститъ: шли-бы съ образами встрѣчу. Выноси стягъ, братцы. *(Берутъ стягъ.)* Погоди со стягомъ, стягъ передъ княземъ, чай, несутъ. *(Стягъ останавливается у дверей)*. Грамоты ведѣтъ писать. Опослѣ грамоты; когда тутъ? Къ св. Троицѣ. Въ часъ добрый. Помози Господи.

(Звонъ влчевика).

Абрамъ. Намъ путь чистый, княже и бояра. Посла ни куютъ, ни вѣшаютъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. *(Стоянову)*. Осипъ, владыку и пословъ проводить съ честію. Ты отвѣтишь, буде хоть малостью кто ихъ обидитъ. Кланяйтесь Новугороду *(Послы кланяются)*.

Отрокъ *(входитъ)*. Княже, конь готовъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Благослови Господь. поѣдмте. Оттудова прошу ко мнѣ всѣхъ хлѣба-соли моего отвѣдать.

(Звонъ во вся, выносятъ стягъ)

Шолога. Радость великую ты сдѣлалъ Пскову, княже благоговѣрный.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не Псковъ-ли мнѣ? Обнимемся, посадникъ.

(Всѣ выходятъ).

III

Псковъ.

(Улица вдали; кремль.)

ЖЕРДЬ И ДВОЕ ЛЮДИНОВЪ.

1-й людинъ. Эхъ дворъ-то не дали намъ разнести, задали-бы Новгородцамъ звону. Да дурачье народъ: всталъ у подворья-то, да ротъ и разинулъ. Чего тутъ звать? Тутъ, сноси ворота и вали на дворъ. А они встали, да воронъ считаютъ.

Жердь. А что-же пути-то, кабы разнесли подворье?

1-й людинъ. А что-же имъ въ зубы-то смотрѣть? Пошто они къ намъ ѣздить, Гуды предатели? Знай свой Новгородъ и дѣло съ концемъ. Мы ихъ не зовемъ во Псковъ.

Жердь. А какъ опсковичей-то, въ Новгородѣ кои, тѣхъ грабить учнуть? Тогда что запоешь? У тебя, я вижу, толкъ-отъ есть, да не втолканъ весь.

1-й людинъ. Что? Э... да ты, братъ, ужь не долбежникъ-ли? Не изъ Нова-ли города? Василий! окунь то, никакъ, братъ, съ Волхова.

2-й людинъ. Здѣшній; а только, глянь, не стакался-ли съ ними?

1-й людинъ. А право слово такъ. Вишь, за нихъ стоять. Держи его; вяжи, вотъ кушакомъ-то.

(Жердь пытается вырваться)

2-й людинъ. Врешь, дохлой, не вырвешься. Давай кушагъ-отъ. (*Вязжутъ*). На княжой дворъ отведемъ; тамъ распротятъ.

Жердь. Что вы? Бога не боитесь...

1-й людинъ. Вотъ еще на княжой дворъ, возжаться. Камень ему, окаянному, на шею, да въ Великую, и дѣло съ концомъ.

Жердь. Братцы, что вы? Я... Псковичъ... свой братъ.

1-й людинъ. А что што Псковичъ... Мы и Опковича, буде онъ нашимъ недругамъ дружить... съ міромъ врозь, — съ мосту сбрось. Знашь, чай? (*2-му людину*). Да что ты, ровно кашицу мѣшаешь... скрути его по-крѣпче. Вотъ такъ.

Жердь (*кричитъ*). Эй... Ратуйте... Гра...

1-й людинъ (*показываетъ кулакъ*). Я-те заткну кадыгъ-отъ... Попробуй, крикни.

Кручина (*входитъ*). Это что за диво? Жердь...

Жердь. Помилосердуй, Иванъ Никитичъ, связали, баютъ, я перевѣтчикъ...

1-й людинъ. А то кто-же? Ты стоишь за нихъ, и выходишь песь, долбежникъ, чорту братъ. Веди. Что тутъ съ нимъ разговаривать.

Кручина. Постойте, братцы. Это нашъ. Аль очумѣли? Петра Ивановича своякъ, чать...

2-й людинъ. А что што Петра Иванова? Петръ Ивановъ намъ не законъ.

Жердь (*плакливо*). Да меня весь Опсковъ знаетъ. Стану ли я переносить. Неужто не знаете?... Петра Иваныча... Чать весь Опсковъ знаетъ.

1-й людинъ. Какой же те это дьяволъ дернулъ за Новгородъ-то стоять?

Жердь. Я не стоялъ. Я только баялъ, грабить, молъ, не слѣдъ; да грабьте, прахъ васъ... только развяжите. Кой лядъ за нихъ стоять?

Кручина. Дай я развяжу (*развязываетъ*). Чей кушагъ-отъ?

Жердь (*вынимаетъ изъ шапки платокъ и отираетъ потъ на лбу*). Ну, братъ, выручилъ; не подойди ты, выкупали бы они меня.

1-й людинъ (*смыется*). Ужь не спустили бы... Какой-те

это чортъ, я все думаю, какой-те чортъ толкнулъ насъ уговаривать. Ихъ, окаянныхъ, мало ограбить,—ихъ перевѣшать надо всѣхъ хриstopродавцевъ: по князя ѣздить по нашего, словно по товаръ какой; людьми торговать вздумали.

Жердь. Ну, перепугали. Душа, инды, въ пятки ушла. До сей поры не опомнюсь... Эдаки головорѣзы.

Кручина. А ты ужъ смалчивай; а то, не ровень часъ, опять, пожалуй, спелснаютъ. Пойдемъ-ка лучше въ соборъ крестъ цѣловать.

Жердь. Пойдемъ, пойдемъ. Свѣчу поставлю... фу, какъ напугали.

2-й людинъ. А все бы лучше утопить... Пра. Что што онъ знаемый? Иной и знаемый, да дьяволъ его вѣдать. Давъ бы камешекъ на шею, да въ Великую; покой бы.

1-й людинъ. Ну его къ лѣшему.

2-й людинъ. Вотъ и Опсковъ себѣ господинъ; не станемъ кланяться Новгороду, свой князь—своя голова. Какъ можно! Не опоздать бы намъ ко кресту-то.

1-й людинъ. Успѣемъ. Эхъ напыюсь ужъ на радостяхъ; ужъ, такъ напыюсь, что нна... пойдемъ (*уходитъ*).

IV.

(Въ отдаленіи проходитъ толпа народа).

2-й людинъ. Отъ креста что ли, братцы?

Голосъ въ толпѣ. Нешто.

2-й людинъ. Много народу-то въ соборъ?

Голосъ. Сила.

2-й людинъ. Не опоздать бы.

Голоса. Что еще вижено. Народу гибель; на торгу стоять, ждуть. Давка такая,—не дай Господи. Про-такали Опсковъ долблены головы. А гости-то ихніе, ребята, гости-то, всѣ улизнули. О... всѣ какъ есть. Ишь, материны дѣти. Проходи, проходи, братцы. Чѣмъ это князя-то осыпали у дверей? Чѣмъ; серебромъ, да золотомъ. Пшеницей, какимъ серебромъ. Проходи. Ну-ка пѣсенку. Затягивай. А что ты? (*Одинъ за-*

плывають, нѣкоторые подстаютъ). „Зараждался молодой Вольга, молодой Вольга, Святославговичъ“. Веселую. (Громкіи свистъ). Шумы деревня!

ДѢЙСТВІЕ 3-е.

I.

Новгородъ.

Палата со сводами. По лавкамъ сидятъ князья. Тверской Константинъ Михайловичъ, Ярославскій Василий Давыдовичъ, Лука Протасьевъ, Абрамъ и другіе Новгородцы. Князь Иванъ Даниловичъ сидитъ на особомъ мѣстѣ.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Думалъ я уладить дѣло съ княземъ Александромъ Михайловичемъ любовью да совѣтомъ, — не удалось. Что дѣлать? Вы видѣли хотѣлъ ли я ссоръ да брани. Нонѣ слышимъ, какъ онъ отвѣтилъ на любовь: слова не дали сказать посламъ. Посла обидѣть, — оскорбить того, кто посылалъ. Гнѣвается развѣ онъ за то, что я на Тверь ходилъ съ татарами, всѣмъ вѣдомо, волею ли я ходилъ; неволя шла. Христіанъ жалѣя, какъ мнѣ было царя послушаться?

Кн. Константинъ Михайловичъ. Братъ не враждуетъ противъ тебя, княже; онъ говорилъ посламъ: „я старое не поминаю, христіанъ жалѣя, онъ и въ орду шоль, Псковичи умолили его остаться. Пословъ онъ велѣлъ проводить съ честію, ничѣмъ не обижая.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Дай Богъ, чтобъ было такъ. Лука Протасьевъ. Псковичи-то что за укащики ему? У него свой разумъ, а чужимъ умомъ какъ жить?

Кн. Василий Давыдовичъ. Всѣ мы люди... Рыба ищетъ—гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше. Кто добру не радъ.

Лука Протасьевъ. Добру-то радуйся своему, а не чужому.

Абрамъ. Честь добра, да сѣсть нельзя.

Кн. Константинъ Михайловичъ. Князья Тверскіе сиживали въ Новѣгородѣ.

Абрамъ. Бѣ Новѣгородѣ, не во Псковѣ. Псковъ къ Новугороду, чай, тянетъ. Волость одна со старины и судъ единой.

Кн. Константинъ Михайловичъ. А при квязѣ Домантѣ?
(Молчаніе).

II.

Воевода (*входитъ*). Здравствуйте. Большой полкъ выпелъ ко Пскову, княже. Коли велишь другимъ выходить и гдѣ сжидаться?

Кн. Иванъ Даниловичъ. Не замай выходить нонче: Сжидаться нечего. Подъ Опокою сойдемся... Шли-бы, не торопясь. Мы перегонимъ васъ все таки... Съ Богомъ.

Воевода. Ну, коли такъ, прощенья просимъ; поведу остальныхъ (*кланяется и уходитъ*).

III.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Осада осадой, а мы все попытаемъ переговорами покончить дѣло; отъ кровопролитья сохрани насъ Богъ; мало-ли пролито крови и татарами; не заводите-же намъ еще усобицу. Сошлемся съ княземъ Александромъ Михайловичемъ. Митрополитъ поѣдетъ съ нами; его святыми молитвами и совѣтомъ не поможетъ-ли св. Софья, премудрость Божія, окончить дѣло полюбовно. Кто ссорѣ радъ? Миръ лучше брани.

Абрамъ. Нѣтъ намъ со псковичами не покончить безъ вражды. Ужъ видно съ ними какъ насъ Богъ разсудить.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Какъ за свое вамъ не стоять? А и объ этомъ съ отцомъ митрополитомъ намъ потребно по-

толковать. Гдѣ можно словомъ, зачѣмъ мечемъ! „Любовь имѣйте межъ собою“, сказано; не сказано „враждуйте“. (Молчитъ). Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ. (Встаетъ и кланяется, всѣ отвѣчаютъ на поклонъ и начинаютъ расходиться; великій князь идетъ впереди съ Абрамомъ.)

Лука Протасьевъ (Князю Константину, хлопнувъ его по плечу). Свой хлѣбъ сытѣе, княже. Зачѣмъ къ сосѣду заходить.

Кн. Константинъ Михайловичъ. Холопъ! Сначала поучиса вѣжеству, тогда съ князьями говори.

Кн. Василій Давыдовичъ. (Константину) Не разберешь, который хлѣбъ-то ихній, который нашъ. Се мое, и се мое—у нихъ на это просто.

(Всѣ уходятъ)

IV.

Псковъ.

(Княгининъ теремъ.)

Княгиня одѣтая по праздничному; прислужница, жена Истомы и гостя Псковитянка съ серебряными блюдами: одно накрыто шитымъ шелками рушникомъ.

Княгиня. Добро пожаловать.

Жена Истомы. Хлѣбъ-соль отъ насъ, княгиня; жить да молодѣть, добрѣть да богатѣть.

Княгиня. Напрасно вы тревожились, не заслужили мы.

Жена Истомы. Ужъ это какъ ведется, матушка, прими.

Княгиня. На хлѣбъ-на соли... (беретъ блюдо и передаетъ служанкѣ).

Гостя. Просимъ не прогнѣваться. Гостинчикъ небогатый... отъ насъ, псковскихъ...

Княгиня. Мнѣ зазорно... убытчились.....

Гостя. Такъ ужъ водится, родная, чѣмъ богаты.

Княгиня (*беретъ блюдо и передаетъ служанкѣ*). Отъ меня по низкому поклону всѣмъ... Мы не заслужили... За любовь, за ласку не знаемъ чѣмъ и отплатить. Садитесь гости дорогія.

(*Сидятся Молчаніе*)

Жена Истома. Мы слышали, ты этта, перепугалась, какъ послы-те были....

Княгиня. Да; вздумала въ окошко поглядѣть на теремныхъ сѣняхъ, послушать рѣчи посольскія... Какъ сказалъ князь Александръ Михайловичъ: иду въ орду—я и упала, обезпамятѣла: какъ вынесли меня, какъ уложили на кровать, ужъ ничего не помню. Вижу князь стоитъ передо мной гляжу на него, а не вѣдаю, гдѣ я... Цѣлый день, какъ есть, лежала какъ безумная, дѣтей не узнавала, къ вечеру опомнилась, приходитъ князь я—говорить—не ѣду, остаюсь, а я ему не вѣрю, плачу.

Гостья. Легко-ли дѣло. Слава Богу, что миновалось

Княгиня. Слава Богу. Да только, слышно, опять идутъ во Псковъ новгородцы съ москвичами.

Жена Истома. Богъ не безъ милости, уладятся. Вѣдь жили-же особо псковичи. Твово-же полюбилъ Опсковъ.. мой и души не слышитъ въ князь Олександръ Михайловичъ.

Княгиня. Дай Богъ!—Вѣкъ не забуду псковичей; дѣтямъ накажу за нихъ молиться. Да что-же я васъ не попотчую ничѣмъ (*Служанкѣ*). Подай, что есть у насъ.

(*Служанка выходитъ*).

Гостья. Мы не затѣмъ пришли.

Жена Истома. Не тревожься.

(*Служанка вноситъ медъ и пряникъ*).

Княгиня (*подноситъ жени Истома*). Какъ безъ этого. Прошу покорно.

Жена Истома. Какъ въ полѣ трава растеть, такъ-бы твое добро росло. (*Отпиваетъ и отдаетъ чарку, княгиня подноситъ гостьѣ*).

Гостья. Ну, будь здорова.

Княгиня (*кланяется*). Спасибо.

V.

Сѣнная дѣвушка (*вбѣгаетъ*). Матушка княгиня... ратные идутъ изъ Новагорода... Ужъ не далеко. Бають, видимо-невидимо.

Княгиня. Ратные? Отъ кого ты слышала?

Сѣнная дѣвушка. По князя съ торгу прислали. Гонецъ на сѣняхъ сказывалъ: „гдѣ“ бать, „князь отъ? Ратные идутъ изъ Новагорода“.

Княгиня. Господи спаси насъ и помилуй!

Гостья. Свѣты вы мои, бѣда какая. Ъхать было домой. Прости княгиня; не осуди ужъ насъ.

Жена Истомы. Поѣду и я съ тобой... Гдѣ мой-то? То-то чай, надсажается... Господи твоя воля! — Прощай княгиня. Не убивайся больно-то... Богъ не безъ милости...

(*Цѣлуются съ княгиней, уходятъ*).

Княгиня. Гдѣ князь? Уѣхалъ? Не видала ты?

Сѣнная дѣвушка. Князь, надо, на торгу. Сѣлъ на коня, да прытко таково помчали...

VI.

Няня (*вводитъ за руку княжича Федора*). Такъ я и знала... вонъ пошла дура экая (*Сѣнная дѣвушка уходитъ*). Чешется языкъ-отъ. Не бойся, далеко еще; да и чего бояться? Не татарове, свои идутъ, таки-же христiane.

Княгиня. Христiane... Родныхъ братьевъ выдають поганымъ, грабятъ своихъ, села жгутъ, да раззоряють... Татаринъ и тотъ свою не выдастъ, станетъ за него, небось, а эти... на устахъ-то медъ, а на сердцѣ-то злоба одна, ненависть... Впрямъ христiane!

Няня. Кто-же они? Такie-же, чай, крещенные, какъ и мы съ тобой. Чего ты на меня-то напустилась...? Вотъ крестикъ тебѣ прислалъ нѣкакой юродивый. Княжича-то таскалъ, та-

скалъ на рукахъ: „Ангель“, кричить, „Ангель“... на силу отняла (*отдаетъ крестъ*).

Княгиня. Крестикъ? Мнѣ, али ему велѣлъ носить?

Няня. Тебѣ. Не плакала-бы, говорить. Воронье како-то улетить... Болталъ много, да ужъ всего-то не упомяю. Кто его вѣтаеть, что такое.

Княгиня. (*смотритъ на крестъ*). Крестъ... желѣзный....

Знать, крестъ тяжелый ждетъ меня.

Няня. А ты и вѣръ безумному.

Княгиня. Я вѣрю: такіе люди сердцемъ чутки. Мы ихъ безумными зовемъ, мы безъ ума-то.. они живутъ любовью, мы враждою; они во свѣтѣ ходять, мы—во тьмѣ.

VII.

Стояновъ. Не осуди, княгиня, на томъ, что бездокладно вошелъ; прислужницъ нѣту ни одной на сѣняхъ, а мнѣ, признаться, недосугъ.—Князь прислалъ меня сказать тебѣ: не тревожилась-бы ты: городъ укрѣпили на-крѣпко, народу, слава Богу, есть: Ладожане, съ Изборска пришли, окромя здѣшнихъ; запасы тоже есть. Богъ дастъ отсидимся... Да до дѣла врядъ и дойдетъ: войско ведетъ для страху князь Иванъ для того, чтобы на своей волѣ смириться съ нами. Ну, да насъ на эту уду врядъ поймать ему...

Княгиня. Князь на торгу?

Стояновъ. Нешто.

Княгиня. Поклонись ему. Скажи, что я молюся за него, что я... не тревожусь.

Стояновъ. Скажу. Прости, княгиня. (*Уходитъ*).

VIII.

Княгиня. Господи, когда-то свары кончатся... Кровь льется, плачь да причитанья... Вся жизнь, знать, протечетъ вотъ этакъ. Слезы да слезы, и конца нѣтъ... (*Плачетъ*).

Няня. Полно плакать-то, а ты... приголубь-ка лучше княжича-то... Видали рати и не эдакія, Богъ спасаль.

Княгиня. Поди ко мнѣ (*кладетъ руку Федору на голову*) кровный мой, ненаглядный! Сохрани тебя Господь... Пойдемъ я поручу тебя заступницѣ (*Уходитъ съ Федоромъ*).

Няня. (*одна*). Не говорю я ей, а ужъ добра не жди: вотъ по три ночи къ ряду вижу я ее все разодѣтую, въ жемчужной кикѣ, въ сарафанѣ голубомъ, прабабкиномъ... Того гляди, быть худу. (*Уходитъ*).

IX.

(*Псковъ. Сѣни на княжескомъ дворѣ.*)

Князь Александръ Михайловичъ, Истома, Забота, Стояновъ входятъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Сядемте. Эй, отрокъ (*Отрокъ входитъ*). Дай намъ меду. Усталъ я; съ лѣстницы на лѣсницу, изъ башни въ башню.. Уходились, чай, и вы?

Истома. Да есть тотъ грѣхъ. Какъ не уходиться, вѣдь со бѣлой зори какъ угорѣлые...

Забота. У Власьевскихъ воротъ не худо-бы людей прибавить, княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Прямая ты забота. Вотъ хлопотунъ, и устали не знаетъ. Ну прибавь: пошли сгоняль-бы кто-нибудь. (*Забота уходитъ. Стоянову*). Ну что-же, ѣздили?

Стояновъ. Ѣздили, княже; подъ самую Опоку подѣзжали ночью. Путьнаго-то только не добились. Огней по берегу и видимо-невидимо. Князь Иванъ стоитъ на нашемъ берегу въ палаткѣ; рядомъ съ нимъ митрополичъ шатерь. Сколько силы не развѣдали доподлинно; довѣдалися только отъ мужичка, тутъ изъ Опоки, знакомецъ нашъ, что ѣздили о позапрошлой ночи всѣ князя подъ самый подъ Опсковъ и оглядали. По утру собирались, слышь, въ шатерь всѣ князь — Ивановъ, долго толковали, и митрополитъ былъ тутъ. Объ осадѣ слуховъ нѣтъ, стѣнбитнаго орудія не видать... По дорогѣ шли смирно. баютъ, селъ не жгли, и грабежа боль-

шого не было. Строго на строго, слышь, заказано ратнымъ обижать селянь. Какъ пришли подъ Опоку, пирь, вишь, сдѣлалъ... и пѣсни пѣли, и гульба была бѣда какая... Ратные всѣ, слышно, не нахвалятся: довольны княземъ; ласковъ ко всякому, запасовъ въ волю: ѣшь и пей, сколь душѣ угодно...

Истомѣ. Задобриваетъ. Ужъ безъ этого какъ? Дѣло новое.

Кн. Александръ Михайловичъ. А не слышать, не было рѣчей о снѣмѣ о переговорахъ?

Стояновъ. Рѣчь была; Лука Протасевъ проговаривалъ, сказывалъ мнѣ одинъ доброхотъ, „князь Иванъ“—бать—„думаетъ пословъ во Псковъ отправить“.

X.

Завота (*входитъ*). Съ Власьевскихъ воротъ пригналъ гонецъ; конные, слышь, человекъ десятка съ два ко Пскову гонять по Новгородкѣ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Коли послы, впустить; дай провожатыхъ. Отворить Власьевскіе ворота и прямо-бы вели сюда по большой улицѣ. Ворота, какъ впустили, на запоръ и мостъ поднять. Людей разставъ по улицѣ по-болѣ; конные-бы обѣзжали городъ. Сторожевымъ скажите: не дремали-бы. Да съѣзди самъ.

Завота. Народъ сзывать?

Кн. Александръ Михайловичъ. Не надо, погоди безъ пути тревожить. Не знамо, съ чѣмъ пріѣхали. Дружинниковъ оповѣсти. (*Трубы въ дали*).

Завота. Трубить у моста. Знать пріѣхали. Идти. (*Уходитъ*).

XI.

(*Отрокъ вноситъ стопу меду и подаетъ чарку князю.*)

Кн. Александръ Михайловичъ. Ты гостю подавай сначала.

Истом а. Съ хозяина.

Кн. Александръ Михайловичъ. Хозяинъ, безъ году недѣля...

Истом а. Да тамъ ужъ долго-ли, коротко-ли, а все таки хозяинъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Будь ино по твоему. (*Беретъ чарку*). Дай Богъ со св. Троицей Опскову, тамъ со мной, съ другимъ-ли, вольнымъ господиномъ жить, а добрымъ людямъ, псковичамъ, не старѣться, добрѣть да богатѣть (*пьетъ*). Съ вами бы, кажись, и жить и умеръ. Не такъ мнѣ хлѣбъ-соль дороги, кякъ то, что вы пріете мнѣ всей душою. (*Отрокъ наливаетъ и подаетъ чарку Истомѣ*).

Истом а. На добромъ словѣ, господине княже. Будь здоровъ да удачливъ!—Экой медь-то, бархатный (*утирается полой*), прямой княжой.. Мы хороши, да не ко всякому, вѣдь, то же, князь. И другой-бы къ намъ не прочь подѣхать, да другой то намъ не гораздо надобенъ; ты полюбился, нашу пѣсню зятянулъ, съ тобой и ладъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вы мало меня знаете.. Вотъ кабы Богъ далъ, пожили-бы вмѣстѣ, другое дѣло.

Истом а. Знаемъ, какъ не знать. Зря, то же, эдакое дѣло, вѣдь, не дѣлается; десять разъ распросишь, да развѣдашь: волка-то въ овчарню пустить кому охота.

Стояновъ (*смотритъ въ окно*). Вотъ никакъ пріѣхали... Пѣшцы сбѣжались. Тагъ и есть, вонъ показались изъ-за церкви конные: Лука Протасевъ, Абрамъ, еще съ ними нѣ-какой...

Истом а. Лиса да волкъ... Лука-то, вѣдь, у васъ въ Твери боярствовалъ; перебѣжалъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Такъ что-жь? Боярамъ и слугамъ, межъ нами вольнымъ воля.

Стояновъ. Такъ-то такъ; да ужъ ему-то грѣхъ-бы.. Князь Михаилъ его, вѣдь, озолотилъ, а вотъ како спасибо-то: по твою голову ѣздить.

Кн. Александръ Михайловичъ. Кому-нибудь да надо ѣхать. Какъ ему князя послушаться, буде велить?

Истом а. Нѣтъ, это ужъ свое лукавство въ немъ; другого то же не послалъ-бы князь, знамщи, что онъ твой хлѣбъ

ѣдаль, одежду съ твоего плеча княжова нашиваль... Самъ лѣзеть, князь и посылаетъ.

Отрогъ (*входитъ*). Послы изъ стана новгородскаго и князь Иванова прѣхали, княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Зови. (*Сидится*).

ХП.

Лука Протасьевъ, Абрамъ, Митрополичъ бояринъ; (*за ними входятъ*): Шолога, Бархатъ, Забота, народъ. (*Народъ встаетъ въ дверяхъ; прочіе садятся*). Истома, Семейка.

Лука Протасьевъ. Отецъ нашъ, богомолецъ твой митрополитъ и великій князь Иванъ Данилычъ тебѣ кланяются, княже; васъ, псковичей, цѣлуютъ.

Кн. Александръ Михайловичъ (*приподнявъ шапку*). На томъ благодаримъ отца митрополита и князя Иванъ Данилыча.

(*Псковитяне приподнимаютъ шапки*).

Лука Протасьевъ. Великій князь Иванъ Данилычъ, внявъ челобитью новгородскихъ людей, грозу, мечъ свой на Опсковъ подъялъ. По его великокняжескому слову подъ Опкою нонѣ сила великая собралася: великокнязь Ивановъ полкъ большой, Новгородскіе, Тверскихъ князей, а твоихъ братьевъ, Василья и Константина Михайловичей, князей Ростовскихъ, Ярославскихъ полки и иныхъ многихъ. Дабы крови крестьянскія не пролити, наказывали намъ отецъ митрополитъ и князь Иванъ Данилычъ тебѣ, господине княже, сказать, мечта-бы ты своєю по удержалъ, вспоминая слово Господне: „блажени милостивіи, яко ти помиловани будутъ“. Вамъ, Опсковичамъ, великій князь Иванъ Данилычъ, Новгородскія и Псковскія земли прямой отчичъ и дѣдичъ, тако молвить: „а смиритесь, учнете бити ему, великому князю, челомъ и онъ великій князь, Бога ради, пожалуетъ васъ по мѣрѣ; а противу Новагорода въ чемъ будетъ правда вапа, то онъ великій князь, такъ не оставитъ, рассудитъ. А держати васъ, Опсковичей, будетъ по старинѣ“.

Истом а. У насъ свой судъ; есть кому судить; равно-бы неча князю Ивану въ наши дѣла путаться.

Лука Протасъевъ. Какъ неча путаться?

Голоса. Тагъ и неча... свой князь,—свой и судъ... Что ему до насъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Мы сѣли на коня, домъ св. Троицы, да свои головы отъ князя Ивана и Новгородцевъ оберегаючи. Какъ намъ меча свою поудержать, буде его мечъ на насъ подъятъ? По што же онъ идетъ въ мою опришнину, коли согласья со мной хочеть?

Абрамъ. По челобитью Новгорода великаго идетъ... Новгородское, Новугороду... Самъ разсуди.

Кн. Александръ Михайловичъ. Новѣ Опсковъ о себѣ живетъ. Вольному воля...

Забота. Не продались Опсковичи-то Новугороду и впрямь.

Шолога. Вѣстимо... Да еще и то возьмемъ, кѣмъ не строенье-то у насъ вышло? Не нами. Новымъ же городомъ нестроенье стало.

Лука Протасъевъ. Мнится мнѣ, миряне, по моей мысли какъ бы не новгородскимъ, вашимъ несовѣтиемъ.

Истом а. Мало что тебѣ мнится.

Шолога. Вѣдаешь ты самъ, Лука Протасъичъ, да и мы слыхали отъ разумныхъ людей: коя земля переставливаетъ обычи свои и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ Новгородъ старые обычи мѣнять сталъ, въ наши дѣла, чего опрежъ николи не бывало, мѣшаться учалъ; помощи отъ него тоже большой мы не видимъ: много ли они съ княземъ Иваномъ намъ пособили, нѣмцы-то приходили подъ Опсковъ? Вотъ съ этого мы съ нимъ и замѣшались. Противъ князя Ивана, посямѣста, у насъ вражды нѣту и не бывало, а съ Новымгородомъ какъ Богъ дастъ.

Лука Протасъевъ. Великій князь Иванъ Данилычъ сѣлъ на столѣ новгородскомъ: буде вы съ Новымгородомъ враждуете, враждуете и съ нимъ.

Шолога. Мы его въ Новгородъ не звали. Новгородцы сами отдѣлилися отъ насъ, призвали безъ нашей думы, князь Ивана ѣсть новгородскій хлѣбъ; когда въ его рукъ новгородскій стягъ, знамо, головы свои беречь и отъ него Опсковитяне будуть.

Аврамъ (*про себя*.) На Литву надѣются. Не вынять, видно, намъ князь Александра.

Кн. Александръ Михайловичъ. Чѣмъ крамолу-то промежъ себя дѣять да братьевъ выдавать, пригожѣ бы князьямъ, въ едино сердце, всѣмъ противъ татаръ стати, защищать русскую землю и крестьянство православное.

Лука Протасьевъ. Не пошелъ бы князь Иванъ, кабы любовь твою да Опскова къ нему видѣлъ; крамолу дѣять что хорошаго? При црежнихъ умныхъ и добрыхъ князьяхъ, дѣдахъ вашихъ, по діаволу наученю, крамола бывала; мы отъ отцовъ и дѣдовъ слыхивали, какая тягота въ тѣ времена была землѣ: поганые несли землю розно, радуясь усобицамъ; вели въ полонъ, святыя церкви грабили; раззоренье было всюду конечное.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не при однихъ отцахъ да дѣдахъ, и при насъ бывало. (*Моланіе*.)

Аврамъ. Все дѣло за тобою, княже милостивый.

Кн. Александръ Михайловичъ. За мною ли, послы...?

Аврамъ. За кѣмъ-же, какъ не за тобой? Смирися, покорися волѣ Божіей. Гордыня Господу противна.

Кн. Александръ Михайловичъ. Кому-же я, какъ не волѣ Божіей и покоряюся. Какъ Богъ меня разсудить съ вашимъ княземъ и новгородцами. Судъ Божій праведенъ.

Лука Протасьевъ. Твоя-ли правда-то, княже? Помысли-ка. Опсковъ исконная очтина князьямъ Новгородскимъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Была бы имъ очтина, кабы я самъ сѣлъ во Псковъ; посадили меня Опсковичи.

Голоса. Мы посадили. Мы о себѣ живемъ. Мы посадили свово князя Александра Мимайловича.

Аврамъ. Дѣло ваше. А Новгороду это какъ такъ оставить?

Истом а. Ну и толковать, стало, нечего...

Голоса. И проваливайте по добру по здорову.

Лука Протасьевъ. На томъ стоите?

Истом а. И дай Богъ стоять; а имя князя Олександра Михайловича Тверскова и Опсковскова держати честно и грозно.

Лука Протасьевъ. Будь ино по вашему.

Голоса. А то по чѣму-же? Не по твоему-же быть? Думаль сплестъ, да напуталь. Проваливай. Вонъ ихъ всѣхъ, отцы и братья. Вонъ новгородцовъ.

Лука Протасъевъ. Ну, глядите; не спокаяться-бы. Голоса. Спокаемся-ли, нѣтъ-ли,—не твоя бѣда.

Лука Протасъевъ. Митрополичь бояринъ; объяви.

Митрополичь бояринъ (*вынимаетъ изъ-за пазухи грамоту*). Волею отца митрополита Θεогноста всея Руси налагается на Псковичей и князя Александра проклятіе и отлученіе...

Голоса. Проклятье...!

Истом а. Проклятье... Какъ? На насъ? За что? Отцы и братья... (*Хватаетъ боярина за воротъ*). Ты вѣдашь-ли, какое слово-то ты вымолвилъ? На торгъ его, на вѣче... (*Толпа валитъ въ двери*.)

Голоса. На торгъ, на вѣче.

Кн. Александръ Михайловичъ. (*Поднимается съ мсти*). Не посягать! На мѣстѣ уложу того, кто посягнетъ...

Голоса. Обмолвили насъ и тебя къ митрополиту, княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вѣдомо вамъ: лестью-ли, обманомъ, али кровью я на княженіе во Псковѣ сѣлъ? Опсковичи молили меня сами за ихъ землю и домъ живоначальной Троицы постоять. Они вольны на княженъе, кого похотятъ, того и звати; такъ изъ старины во Псковѣ повелось. А нашимъ родамъ тоже не новина въ русской дѣдной землѣ княжити: народился есми, Божьею волею, отъ великихъ князей; коли мнѣ не столовать, а князю Ивану почему быть на великомъ княженъи? Что его достоинство? Какое его поколѣнъе? Чѣмъ прежде Божія суда претити да грозить лучше-бы князю Ивану о своей душѣ помыслити: что-де я дѣлаю братьѣ своей и за что? Такихъ дѣлъ, какія онъ вчинаетъ нонѣ, какъ русская земля стала есть, не бывывало. Скажите ему: онъ не помнилъ, на Тверь съ темниками идучи, а мы помнимъ, отъ кого мы повелись; на земное души своей наши роды николи не мѣнивали.—За хлѣбъ за соль Псковичи! Не буди на васъ проклятья меня ради. Иду изъ города вашего вонъ, а цѣлованъе крестное межъ мной и вами нарушаю. Грамоты. (*Забота подаетъ грамоты, князь отдаетъ ихъ Шологу*).

Истом а. Князь! Всея землей пойдемъ къ митрополиту; насъ и тебя къ нему обмолвили...

Кн. Александръ Михайловичъ. Овцы пастыря не учать... А коли я, мало, любъ вамъ, братья, цѣлуйте крестъ на

томъ, абы мою княгиню, семью мою изъ Пскова никому не выдати.

Истома (снимаетъ шапку; онъ по-
мертвѣлъ).

Г о л о с а. Князь оставайся... Насъ оговорили; ихъ надо проклясть-то, у нихъ запереть церкви-то, у клеветниковъ нашихъ; оставайся; всѣмъ городомъ пойдемъ къ митрополиту.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нечего ходить... Одно, други и братья, какъ молвлено, семью мою...

Шолога. На томъ всѣмъ городомъ, неотложно, крестъ намъ цѣловать... Такъ, али нѣтъ, миряне?

Г о л о с а. Какъ же еще-то? Крестъ цѣловать всѣмъ городомъ. Милости просимъ гостью дорогую; всѣмъ миромъ ее зовемъ хлѣбомъ солью нашимъ не побрезговать. Озолотимъ княгиню! Вѣкъ живи она у насъ, княгиня благовѣрная!

Кн. Александръ Михайловичъ. На этомъ вамъ спасибо, други... Богъ заплатитъ вамъ... мнѣ не чѣмъ.

Шолога. Ты, княже, намъ любовью вдвое заплатилъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Простите. (Кланяется всѣмъ и уходитъ съ Заботой).

Митрополичъ вояринъ. Хоть юнъ верстою, а умомъ свершень и цѣломудриемъ. Не лишилъ васъ благодати. Награди его Господь за смиреніе и за любовь къ христіанамъ православнымъ.

Лука Протасъевъ. Спаси его Богъ; благоразумень во-истину. Съ чѣмъ же, съ какимъ словонъ намъ посламъ, отъ васъ, Опсковичей, къ великому князю идти?

Шолога. Объ этомъ надо намъ съ миромъ померекать. Скажите: „псковское-де слово Опсковичи сами править будутъ, не умедля.“

Лука Протасъевъ. Такъ и скажемъ. Простите миряне. Великаго князя слово попомните: милостью своей онъ васъ не оставитъ, смиреніе ваше увидавъ.

Г о л о с а. Попомнимъ. Эдакой красноглаголивый! Милости-то его, княжія, видимы; какъ ихъ забыть?

Шолога. Прощенья просимъ. Поклонитесь князю великому, а отцу митрополиту скажите, гнѣвъ-бы на милость превратилъ: ему мы не противны.

Митрополичь вояринъ. Скажемъ... Простите Христа ради. Голоса. Насъ простите. Богъ простить.

(Послы кланяются и уходятъ; за ними выходитъ народъ).

Шолога. Что дѣлать, братья? Научите. Куды дѣваться намъ? Какъ быть?

Истома. Какъ вѣдашь, такъ и дѣлай. *(Отходитъ и садится на лавку).* Меня не спрашивай.

Шолога. Что я безъ васъ придумаю.

Истома. А мы-то что придумаемъ? Что тутъ придумаешь? *(Молчаніе).*

Бархатъ. Поклонитесь князю Александру Михайловичу, авось повнемлетъ намъ, останется.

Кручина. Гдѣ ужъ остаться? Грамоты нарушены и крестъ. Крестомъ шутить не чѣмъ инымъ. Гдѣ ужъ останется!

Семейка. Когда остаться... А безъ князя нонѣ намъ какъ быть? Въ народѣ эдако волненье, неурядица, долго ли до грѣха какого?... И опять же сила у московскаго не малая. Пойдетъ на зло, татаръ нагонитъ. Куды тогда дѣваться?

Шолога. Дѣло видимо.

Семейка. Плеть обуха не перешибеть. Не сходить-ли ино... Сходить съ повинной къ князю Ивану на Опоку, да пожаловаться: „мы, де, противъ тебя, вѣдь, не враждуемъ; у насъ, де, своя котора съ Новымгородомъ, а ты...“

Истома. Ну что: „а ты?“ Ты прожуй слово-то, да и молви:

Семейка. Извѣстно что: „Ты, де, гнѣва не держи на Псковъ.“ Что же друго-то? Что тутъ дѣлать-то? Противъ рожна какъ прати?

Истома. Началь ты, я вижу, духомъ, а кончилъ брюхомъ... Я не пойду. Ступайте, кланяйтесь.

Семейка. Да что же дѣлать-то? Ну, научи ино...

Истома. Самъ умница, насъ кой-чему научишь.

Шолога. Да какъ, храни Богъ, впрямь татаръ-то наведетъ? По слову ханскому всѣ волости подымутся, придутъ ко Пскову... Эти дѣла-то не новинка... Дѣло недавнее, на Твери что было? Камня на камнѣ, вѣдь, не оставили, и церкви Божьи ограблены, раззорено все... Думаешь, не будетъ того же и у насъ?

БАРХАТЬ. Такъ-то такъ.

СЕМЕЙКА. Чего другова ждатель? Не покорную главу мечь сѣчь.

БАРХАТЬ. Вѣрно. Да глыча-же не покориться-то, буде... вѣдь, не на вѣкъ. Богъ дастъ день, дастъ и совѣтъ.

ШОЛОГА. Вѣстимо. Крестъ любви не свяжетъ.

СЕМЕЙКА. Видимое дѣло. Уладимся, рать отойдетъ, угомонится, кто помѣшаетъ и о новой крышѣ думать...? А пока заплаточкой... Вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь, что хошь.

ИСТОМА (*встаетъ*). Не осудите, отцы, мой совѣтъ такой: повинная повинной, а стяга князь Олександрова не покидай; стой у него, какъ укрѣпилися; стягъ его — стягъ земской. За старину, за правду онъ борется; за правыхъ Богъ. Литва возьмется, какъ Богъ святъ; поможетъ; ей Москва поперегъ горла стала. Мы на Опоку, князь Александръ Михайловичъ въ Литву, ждатель неча. Только братья: сору изъ избы не выноси, азыкъ на привязи.

ШОЛОГА. А князю Ивану крестъ, вѣдь, надо цѣловать?

ИСТОМА. Такъ что... Вѣдь мы цѣлуемъ на томъ, что князь Олександръ Пскова лишается, а мы, до времени, къ Новгороду тянемъ. Миръ стоитъ до рати, рать до мира. Какой тутъ грѣхъ? Вѣдь мы не ложно утверждаемъ, пока что... а тамъ...

ШОЛОГА. Что дѣло, то дѣло.

ПСКОВИЧИ. На этомъ, кажись бы, можно стать. Это какая ложь: князь Олександръ уидеть... Мы къ Новгороду. Миръ стоитъ до рати, рать до мира, и завсе такъ вѣдь...

ШОЛОГА. Стало, какъ сказано?

ПСКОВИЧИ. Какъ сказано.

ИСТОМА (*Семейкѣ*). Не сердчай на меня, Петръ Иванычъ, прости Христа ради: прорвалося давѣ, не стерпѣлъ.

СЕМЕЙКА. Что ты это? Богъ тебя простить. Я и забылъ давно. Неужто я тебя не знаю.

ИСТОМА. Ну вотъ спасибо на этомъ. Я крѣпко виновать передъ тобою... Вы увольте ужъ меня: я не поѣду; ну ихъ...

ШОЛОГА. Ты не ѣди.

СЕМЕЙКА. Не ѣди. Зашумишь, пожалуй, не вытерпишь.

Истом а. Безъ дѣла не зашумлю, да неровень часъ, пожалуй, что-нибудь...

Шолога. Ну, я съ Истомой зайду къ князю; перетолкуемъ, да и отправлять его. Вы на торгу насъ обождите; да куда говорить на торгу объ одной повинной; о Литвѣ болтать пока безъ дѣла нечего... А пуще дома бабамъ. „Не знаю, ничего не вѣдаю.“

Истом а. Баба спроста не ждетъ. А на торгу, посадникъ, надо сказать. Какъ эдакое дѣло отъ народа отай намъ дѣлать?... Всему Опскову вѣдомо, вѣдь, съ чѣмъ послы-то прѣзжали. Мало не весь Псковъ у рѣчей-то посольскихъ былъ.

Семейка. Не сказать-то... То-то не вздурились-бы, а и сказать: не дошло бы до Опоки?

Шолога. Огласку дашь,—пожалуй; все верхъ дномъ поставишь. Прямо всѣмъ говорить не надо. А не замай, инъ, выборныхъ приплютъ. Выборнымъ скажемъ, а они не на торгу, а по дворамъ, что-ли, какъ хотять, какъ знаютъ, опосля безъ шума и оповѣстятъ: „что вотъ, де, оспода, такъ и такъ...“ Какъ вы?

Истом а. Что дѣло, то дѣло.

Бархатъ и Кручина. Это ладно.

Семейка. На что ужъ лучше. Ай посадникъ! Спасибо за это. Безъ народа какъ? А вмѣстѣ-то потужимъ, съ полагоря.

Шолога. Пойдемте къ князю перво!

Истом а. Помоги Господи! *(Всѣ уходятъ)*.

ХІІІ.

Псковъ.

(Улица передъ княжимъ дворомъ.)

Немятой, Жердь, 1-й и 2-й людины.

1-й людинь. Вотъ не было печали, да черти накачали.

Жердь. Да, братцы, плохо.

2-й людинь. Будетъ намъ житье, что гороху при дорогѣ:

кто ни пройдетъ, тотъ и скубнетъ. Князь-то, слышно, сегодня на Литву ѣдетъ.

Жердь. Стояновъ сказывалъ, сегодня въ ночь. Наши на Опоку, а онъ въ Литву. А княгиня его во Псковѣ у насъ останется.

1-й людинъ. Спекли про попа, а съѣлъ, кто попалъ. Эхъ, давѣ-бы... такъ, поторопился князь.

Немятой. Тебя, вишь, не спросился, — сплосалъ. Что-же ему: „давѣ-бы?“

1-й людинъ. А давѣ-бы тебя, вотъ, съ мосту, первое, швырнуть, давѣ-бы...

Немятой. Да вѣдь какъ швырнется; меня-то нехитро, ну а иной, пожалуй, и поупрется. Какъ швырнешь.

2-й людинъ. Плохо. Впрямь поторопился князь-отъ.

1-й людинъ. Какъ-же не поторопился. Въ эдакомъ городѣ да не держаться. За стѣной всякъ воинъ. Митрополиту наговорено на насъ. Митрополить-бы насъ благословилъ, правду нашу видя, церковей не заперъ-бы.

Немятой. То-то вотъ: не вѣр началу, а вѣр концу.

1-й людинъ. Да еще конца-то и не видать... Мы съ новгородцами, ты думаешь, такъ и покончили? Дай срокъ, еще посчитаемся... Ты думаешь, не воротится князь Олександръ Михайловичъ во Псковъ? Изъ литовской руки посадимъ, буде свои противъ насъ идутъ. Намъ Литва не новинка; дорожка-то тореная.

Немятой. Надѣйся на Литву.

1-й людинъ. А гляча-те не надѣяться-то?

Жердь. Только было уладились; думали, вотъ поживемъ сами о себѣ; вотъ-те и живи.

1-й людинъ. Что живи? Чего разгоревался? Еще какъ заживемъ-то.

XIV.

Кручина (входитъ). Съ радостью, братцы! Съ Литвы гонецъ... Вѣсти хорошія: по виду, Литва пособить князю Олександрю Михайлычу во Псковѣ уѣсться.

1-й людинъ. Что? Не дѣло я баялъ? Говорилъ, что поживемъ съ княземъ Александромъ Михайловичемъ.

Жердь. Слава Богу! Да такъ-ли? Вѣрно-ли?

Кручина. При мнѣ Забота съ посадникомъ толковали. Только, братцы, ни гугу пока... шито да крыто...

Голоса. Знаемъ, знаемъ.

1-й людинъ. Поживемъ. Знать не хотимъ новгородцовъ; владыку слово оберемъ. Было-бы поле, а соху найдемъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Спустя десять лѣтъ.

Псковъ.

(Палата на княжескомъ дворѣ. Пиръ. На поставцахъ стоитъ серебрянная посуда. Накрытый, уставленный брашнами, чарками и блюдами съ сладостями, столъ стоитъ по срединѣ.)

I.

Князь Александръ Михайловичъ, Истома, Забота, Семейка, Кручина, Доль, Немятой, Бархатъ, Жердь, Шолога сидятъ за столомъ. Отрокъ вноситъ по временамъ енды и наливаетъ чарки. Гуслиаръ сидитъ на низенькой скамейкѣ у дверей съ гуслими на колѣняхъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Владыко неостался погостить, какъ я ни упрашивалъ. Торопится въ Новгородъ.

Истома. Видно, какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нѣтъ, ласковъ былъ.

Истома. Теперъ другое запѣлъ, какъ мы понадобились; прежде не то баялъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Что старое помянуть! Что было, то былѣемъ поросло.

Истомѣ. Ты не помянешь, а они помянутъ.

Кручина. Какъ не помянуть. Вчера послѣ обѣдни разоблачаться сталъ, а протопопъ отъ Егорья и говоритъ ему: „рѣдко,“ говоритъ, „владыко къ намъ жалуешь.“ Такъ онъ ему что на отвѣтъ-то сказалъ: „высокоумны“, батъ, „вы больно; ѣздить-то къ вамъ не охота.“

Истомѣ. Онъ не высокоуменъ. Вотъ нелюбье учинилося съ Москвой у Новгорода, — съ нами мировая; не кричать теперь, небось: „зачѣмъ Опсковъ князя изъ литовской руки посадилъ.“ Поладятъ съ Иваномъ Данилычемъ, опять мы не пригодны станемъ, и измѣнники, и таки сяки... На что-бы лучше, кабы свой владыка; такъ тогда митрополитъ поупрямился, не поставилъ Арсеня. Этотъ хорошъ-хорошъ, а все за Новгородъ.

Завота. Какъ быть-то? На чѣмъ конѣ ѣдешь, тому и пѣсно пой.

Истомѣ. Нѣтъ, дѣдушка, ужъ это человѣкомъ. Много-ли тогда въ Опокѣ напѣлъ Шолога-то? Спроси-ко его. Чуть, вѣдь, мы не передрались съ боярами московскими, а поѣхали съ повинной; не уступи, въ тѣ поры, они намъ всебы дѣло верхъ дномъ, пожалуй, не ушелъ-бы ото Пскова князь Иванъ, не отдалъ-бы нелюбья.

Завота. Отдалъ-бы. Дѣлать-то, вѣдь, нечего было ему: городъ крѣпкой, запасовъ вволю, людей довольно было, отсидѣлись и безъ князя бы.

Шолога. Безъ князя гдѣ ужъ отсидѣться... Поди сладь съ народомъ-то; воеводъ не слушаютъ; князь — князь и есть, сказано: „не втунѣ мечъ носить,“. Не будь тогда князя, какъ митрополитъ съ проклятьемъ прислалъ, — посламъ-бы живымъ изъ города не выѣхать.

Кн. Александръ Михайловичъ. Посолъ не виноватъ.

Шолога. Да, вѣдь, въ пылу-то, да во гнѣвѣ неразсудятъ. Сказано: „миръ силенъ — что море, а глупъ какъ дитя“... Мы и у самага дѣла были тогда, а и то голову потеряли. Пришли къ митрополиту, заплакали, не знаемъ, хоть убей, что говорить. Ужъ Семейкѣ Петру Ивановичу спасибо, тотъ зачалъ.

Изъ-за него и мы заговорили. А воистину наставникъ: выслушалъ все, какъ есть, да кротко таково поучать сталъ, какъ въ любви надо жить, не свариться, и благословилъ. Словно гора у насъ съ плечъ свалилася. И князь Иванъ, по его, отеческому слову, другую рѣчь повелъ, смирился.

Истома. Смирился, какъ увидалъ, что неча взять съ насъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Изъ Цареграда съ инокомъ прислалъ и мнѣ митрополитъ поминокъ и благословеніе. Вотъ надо еще отписать ему.

Шолога. Разгадалъ тебя. Да... сиди ты на великомъ княженіи, все-бы у насъ было по доброму...; мирное-бы и благоденственное житіе было всюду.

Кн. Александръ Михайловичъ. Гдѣ ужъ мнѣ при эдакомъ безвременіи о великомъ княженіи думать.

Шолога. Безвременье-то безвременье по грѣхамъ по нашимъ. Экъ время-то, подумаешь: девять лѣтъ, какъ ты у насъ во Псковѣ.

Завота. Вотъ на Покровъ десятый годъ пойдетъ. Что мы тогда, — семнадцать мѣсяцевъ, надо, въ Литвѣ пробыли?

Кн. Александръ Михайловичъ. Семнадцать мѣсяцевъ. Вернулись на самый на Покровъ. Къ обѣднямъ стали благовѣститъ, мы подъѣзжала къ Пскову. Утро такое ведряное было; завидѣли мы верхъ Живоначальной Троицы, звонъ услышали, радостно таково стало; думаемъ: „вотъ, молъ, опять мы на Руси святой по Божьей милости.“

Завота. Надоѣла ужъ намъ Литва-то вельми.

Шолога. Когда не надоѣсть! Къ Руси-ли нашей Литву примѣнить.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да что-же вы, толковать толкуете, а ничего не пьете, гости дорогіе. Налей-ка намъ. *(Отрокъ наливаетъ.)*

Кручина. За здоровье дорогого имянинника, князя Михаила. Всѣ. Много лѣтъ здравствовать! Рости да матерѣть.

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо. Цѣсеньку, гусларь!

Гусларь. Какую, княже? Голова, нешто, отъ хмѣлю, что-ли, тяжела. Развѣ про хмѣль?

Кн. Александръ Михайловичъ. Коли охмѣлѣлъ,

про хмѣль и пой. А чтобы полегчало, поднесите-ка ему.
(Отрокъ подаетъ чарку. Гусларь пьетъ, отирается полой и строитъ гусли.)

Гусларь. Про хмѣль, такъ про хмѣль (ударяетъ по струнамъ!)

Хмѣлюшка по выходамъ гуляетъ,

Самъ себя хмѣль выхваляетъ:

„Нѣту меня хмѣлюшки лучше,

Нѣтъ меня хмѣля веселѣе.

Меня осударь хмѣля знаетъ;

Князья и бояра почитаютъ,

Монахи, патриархи благословляютъ.

Безъ хмѣлюшка свадебъ не играютъ;

А гдѣ бьются, гдѣ дерутся? Все во хмѣлѣ;

Безъ хмѣля не мирятся, имъ помиряются.

Только, лихъ на меня мужикъ садовникъ:

Онъ по-часту въ зеленой садъ гуляетъ,

И глубокія борозды копаешь,

А навозомъ и соломой застилаешь.

Тутъ-то я хмѣль догадался:

По тычиночкѣ вверхъ подавался,

Надъ богатымъ мужикомъ насмѣялся.—

Какъ ударилъ его въ тынъ головою,

Още въ грязь широкой бородою.“

(Гости смѣются.)

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ каковъ хмѣль-то. Эту пѣсню я помню, при отцѣ я былъ еще мальчишкой, пѣвалъ на Твери, изъ Галича ходилъ тогда гусларь; эхъ, гораздъ былъ пѣть; откуда что берется у него, бывало, поетъ и прибаутки говоритъ; а сказки какой былъ мастеръ сказывать. (Гусларю). Ты на Твери бывалъ-ли?

Гусларь. Какъ не бывать? Бывалъ, княже милостивый. Мы, гдѣ медомъ поятъ, да добрымъ словомъ привѣчаютъ, вездѣ бывали. Къ ласкѣ-то, а пуще всего къ чаркѣ, тянеть, вѣдь; пѣть такъ и пить. (Отрокъ подноситъ. Гусларь пьетъ).

Завота. За здоровье князя Федора Александровича!

Бархатъ. Дай Богъ ему здравіи вернуться изъ орды.

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо! Да; Федоръ тревожить меня. Богъ вѣдаетъ, какъ онъ тамъ... У Татаръ всего натерпишься.

Истома. Сердись, не сердись, княже, а... не дѣло ты затѣялъ: что тебѣ изъ Пскова отъ хлѣба уходить?

Кн. Александръ Михайловичъ. Жаль мнѣ своей отчины. Ну, живъ я, хлѣбъ будетъ; а умри, куда семья-то, дѣти куда дѣнутся? Увидятъ Татары, что мы отъ своей отчины отступились, отдадутъ московскому, пожалуй. Не въ слуги-же къ московскимъ намъ идти тогда, князьямъ Тверскимъ.

Завота. Въ орду сходить тебѣ надо, отчины своей поискать, что говорить.

Истома. Въ Опсковѣ по тебѣ и дѣтямъ честь и мѣсто.

Семейка. Вѣстимо такъ.

Кручина. Не пошли-бы по чужаго князя, буде свои есть, знаемые.

Кн. Александръ Михайловичъ. Я это вѣдаю; Опсковици не отступились-бы, да, вѣдь, неровень часъ, неволя отступить. Сила солому ломить.

Истома. А Литва на что?

Кн. Александръ Михайловичъ. Вѣрь Литвѣ. Литва-то nochе намъ пріять, а завтра... За Симеона московскаго дочь княжну Айгусту Литвинъ-то выдалъ; на Москвѣ и окрестили. Свояка на чужаго не промѣняетъ и Литва небось.

Истома. Не промѣняетъ, а ратится съ Москвой, новоторжскую волость воюеть, а князь Иванъ выжегъ города литовскіе: Осѣчень, Расну... Эхъ князь, не дѣло дѣлаешь. Помянешь. Ну гдѣ тебѣ съ Москвой въ ордѣ тягаться? тамъ, вѣдь, лукавить надо, а ты...

Кн. Александръ Михайловичъ. Хитрить не умѣю, а пойди, пойду. Да будетъ воля Божія!

Истома. Жаль намъ тебя. Привыкли мы къ тебѣ. Возьмемъ Литвина, все не то; не всѣ, вѣдь, Доманты. Эхма, придвинуть-бы Опсковъ ко Твери.

Доль. Это не худо-бы.

Истома. Смекнулъ нѣмчинъ... Не худо-бы... Ну ка выльемъ. Нѣмчинъ, а добрый мужикъ. Люблю его. (Пьетъ).

Поцѣлуй (*цѣлуются*). Уговори хоть ты князя-то нашего не ходить въ орду, да въ Тверь.

Долъ. Когда ты его любишь, не говори: „оставайсь..“

Кн. Александръ Михайловичъ. Что правда, то правда. Вотъ спасибо за это.

Истома. Когда любишь, такъ не говори: „оставайся.“ Вотъ ты и пойми. Вотъ ты и вышелъ нѣмецъ; хорошій человекъ, а нѣмецъ.

Завота. Отъ добра добра не ищутъ, да коли нельзя.

Истома. Да что наладили: „нельзя да нельзя.“ Ну золота, каменье въ самоцвѣтныхъ что-ли надо, серебра?... У насъ во Псковѣ полна чаша. Все отдадимъ. Что въ немъ, въ имѣньи? Прахъ имѣнье.

Кн. Александръ Михайловичъ. Тутъ не въ имѣньи дѣло.

Истома. Да въ чемъ-же? Ну ты мнѣ скажи: въ чемъ дѣло-то? Съ Москвой что-ль биться? Всѣ пойдемъ отъ мала до велика... Все вотъ этотъ старый хрѣнь (*Указываетъ на Заботу*), да вотъ нѣмчинъ, а князь остался-бы, право слово остался-бы (*всѣ смѣются*).

Кн. Александръ Михайловичъ. За любовь спасибо.

Истома. Дѣлать нечего: насильно милъ не будешь, видно. Однаже пора и честь знать... За хлѣбъ за соль.

Кн. Александръ Михайловичъ. Куда-же ты?

Истома. Пора, я охмѣлѣлъ... Прощайте.

Кн. Александръ Михайловичъ. Кланяйся кумъ.

Истома. Да она не у княгини-ли? Зайду узнаю. (*Кланяется и уходитъ*).

Гости (*встаютъ*). За угощенье, за хлѣбъ за соль.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не на чемъ, не осудите, дорогіе гости. (*Расходятся*).

II.

Москва.

(Горница въ княжескихъ хоромахъ.)

Князь Иванъ Даниловичъ, Лука Протасьевъ,
Отрокъ.

Кн. Иванъ Даниловичъ (*входитъ въ печальномъ*

платъ, съ посохомъ и церковною книгою; кладетъ книгу на столъ) Не такъ я читываль, бывало, псалтирь; бывало, слезы такъ и льются, а легко тебѣ. Огрубѣлъ я; слышу самъ: сердце одѣбѣде... на душѣ не то. Слова любви не примутся на каменистой нивѣ. Правду молвилъ князь Александръ Михайловичъ посламъ моимъ, святую правду молвилъ. Вижу, Богъ караетъ: смерть княгини-то... Жена! о, помолися, помолися за меня за грѣшнаго; я близокъ, близокъ...страшно вымолвить... Нѣтъ, милостынею, веригами, постомъ, молитвой выведу я этихъ годовъ, что кишать на днѣ души моей, прельщенной міромъ. Прахъ, вѣдь, все это, здѣшнее-то... прахъ и суета. Богатство, слава, многое имѣнье, что предъ этой вѣчной радостью, обѣщанной смиреннымъ, пищимъ духомъ...?

Лука Протасъевъ. Къ тебѣ я, господине княже.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Ко мнѣ? Что надо?

Лука Протасъевъ. Да изъ Новгорода воротились наши; вотъ отписка отъ Абрама; пишетъ, да и сами новгородцы наказываютъ: „запросъ,“ слышь, „царевъ не дадимъ; того изъ начала не бывало; а цѣловаль великій князь Иванъ Даниловичъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ новгородской, по грамотамъ, правѣда своего, великаго князя Ярослава Владиміровича.“

(Молчанье).

Кн. Иванъ Даниловичъ (Нахмуривается) Абрамъ умѣетъ, видно, только куны брать, а порадовать, гдѣ надо, такъ онъ на попятный.

Лука Протасъевъ. Тутъ Абрамъ не виноватъ. Новгородцы, гляди, съ Литвою не стакнулись-ли; вотъ, де, сидитъ же, девять лѣтъ сидитъ во Псковѣ изъ литовскія руки, князь Александръ. Гляча-же и намъ не опереться на Литву въ нуждѣ. Нариманта-то не даромъ призвали на пригороды въ Новгородъ. Отъ пригорода и до города, пожалуй, не далеко.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Ну, оно и не само близко.. А изо Пскова нѣтъ вѣстей?

Лука Протасъевъ. Есть вѣсти: что во Псковѣ все по добру да по здорову. Этга, слышь, владыко былъ въ гостяхъ у князя Александра Михайловича. Абрамъ пишетъ, собирается князь Александръ въ орду, а оттолъ на Тверь.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Надо и мнѣ, давно-бы надо ѣхать къ хану.

Лука Протасьевъ. Къ хану-то, къ хану .. да безъ пути мы ѳздимъ, словно-бы.

Кн. Иванъ Даниловичъ. А что?

Лука Протасьевъ. Да то-же... Тверскіе князья, вѣдь не Ростовскіе, самъ вѣдашь...

Кн. Иванъ Даниловичъ. Знаю (*молчаніе*).

Лука Протасьевъ. Василій Ярославскій тоже идетъ, слышно, въ орду.

Кн. Иванъ Даниловичъ. Судались. Василья переймемъ, не пустимъ. Поди вели собрать бояръ (*Лука уходитъ*). Вотъ жизнь моя; в тѣ и спасайся. Лишь поулягутся земныя страсти, только что устроишь на душѣ обитель мира, глядишь, со всѣхъ сторонъ житейскія заботы обступили. „Борися,“ говоритъ мнѣ Θεогностъ, „молитвой ограждай себя отъ стрѣлъ лукавыхъ вражінхъ“... Да коли молитвы-то нѣтъ. О Господи, помилуй грѣшнаго... О, не отрини; душу съ вѣчестивыми, съ мужами кровей, не погуби мою.

Отрокъ (*осторожно отворяетъ дверь*). У праздника благовѣстить начали. Позволишь ѳхать къ обѣднѣ, али...?

Кн. Иванъ Даниловичъ. Къ обѣднѣ-то? Да надо-бы. Вы изготовьтесъ. Буде покончу рано съ боярами, — съѣзжу (*Отрокъ уходитъ*). Два зова: къ молитвѣ, къ миру одинъ; другой... Двѣ пути—дороги; „выбирай,“ говоритъ, „человѣче.“ Охъ, мудрено спастися въ мѣръ-то. (*Уходитъ*).

III.

Псковъ.

(*Горница въ княжескихъ хоромахъ*).

Абрамъ, Отрокъ (*входятъ*).

Отрокъ. Просимъ милости, бояринъ. Присядь, я скажу князю-то. (*Уходитъ*).

Абрамъ (*сидитъ*). Чѣмъ не великое княженъе? Псковъ великій. (*Улыбается*). Мы-ста Новагорода знать не хотимъ (*обматриваетъ горницу*). Палаты-то каки узорочныя, хоть царю жить. Литва-то, знать, не Богъ, а полбога.

Кн. Александръ Михайловичъ (входитъ).
Абрамъ, здорово (цѣлуются).

Абрамъ. Здорово, княже милостивый. Какъ тебя Богъ милуетъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Какъ видишь. Съ выходами новгородскими, я слышалъ, вы ѣздили?

Абрамъ. Нешто; съ московскими выходы возили.

Кн. Александръ Михайловичъ. Давно-ли изъ орды? Какъ съѣздили?

Абрамъ. Да ничего. На прошлой, знать недѣль воротились въ Новгородъ, далъ Богъ, по добру, по здорову; дани отдали. Слава Богу все покончили по доброму; Богъ помогъ, какъ надо все...

Кн. Александръ Михайловичъ. Ну, Федора-то, мово, видѣли?

Абрамъ. Какъ не видать; все вмѣстѣ были: мы у него гостили, онъ у насъ сидѣлъ; и къ матери-то ханской вмѣстѣ ѣздили.

Кн. Александръ Михайловичъ. Здоровь-ли онъ?

Абрамъ. Слава Богу; ничего; на этой недѣль, надо быть, выѣдетъ. Отпущенъ былъ при насъ еще совсѣмъ, и съ милостью съ пожалованіемъ. Мы, когда? На Агаѳона Огуменника выѣхали изъ орды, а онъ сидѣлся тутъ, съ кушцами, съ Персіянами. Дѣнь черезъ пятокъ такъ, надо, послѣ насъ и они тронулись... Скоро надо ему быть.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ну, слава Богу; я ужъ не зналъ, что и думать.

Абрамъ. Все по доброму. Всѣ, и наши и Москвичи диву далися: принять милостиво, такъ что лучше не надо.

Кн. Александръ Михайловичъ. Слава Богу!

Абрамъ. Поѣхалъ онъ на ханской дворъ: ну, думаемъ, плохо, припомнать все. Воротился, спрашиваемъ: ну что, моль, какъ? О старомъ, батъ, и помину не было; взглянуть, и молодцомъ назвалъ. Послѣ, на другой день толмача прислалъ: „хотѣлъ-бы,“ говорить, „повидать и князя Александра, отца твоего.“

Кн. Александръ Михайловичъ. Даровъ-то хватило-ли? Чай порастрясли мошну-то?

Абрамъ. Они тугоньки, ну а ужъ не безъ того.

Кн. Александръ Михайловичъ. Любимцы-то все прежніе у хана?

Абрамъ. Все тѣ-же. Кавгадыя только нѣтъ... А тутъ, какъ бышъ его, Авдуль, Авдуль... да ты, чай, знаешь?

Кн. Александръ Михайловичъ. Знаю; это прежній.

Абрамъ. Тутъ жена одна, теперь въ силѣ; вотъ какъ ее звать—то, позабылъ; краспорожая такая, здоровенная; къ ней и мы ходили, отнесли гостинецъ. Ну эта... жадна, господь съ ней; любить пригоршни полныя. И князя Федора посылали къ ней благопріятели. У нее не побываешь, бають, лучше и не ходи къ Озбяку,—всѣмъ она орудуеть.

Кн. Александръ Михайловичъ. А мать въ опалѣ видно?

Абрамъ. Не въ опалѣ, а прежней силы нѣту у нее; оттерла эта. Да и матери носили: безъ этого нельзя, самъ вѣдашь. Опять, не знамо, какъ ему на мысль придетъ; вотъ тутъ были тоже данники, прахъ ихъ, вѣдаетъ, какіе, Грузинцы, что-ли, нѣбаки, въ шапкахъ эдакихъ въ высокихъ,—сходили они къ женѣ-то, а къ матери и не пошли, приходятъ къ хану, а онъ перво слово: „ѣздили-ли,“ говорить, „къ матери?“ Тѣ туды, сюды, солгать нельзя: „не ѣздили,“ говорятъ, „господине царю.“ Ханъ и замолчалъ; тутъ другіе вошли,—они стояли, стояли, дожидались,—ни отвѣга, ни привѣта; да вотъ до сей поры еще живутъ,—не отпускаеть да и полно.

Кн. Александръ Михайловичъ. Стало, все по прежнему.

Абрамъ. Ну нѣтъ; по-мягче стали; много мягче. Куды противу прежняго.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да... вотъ послушаю, какія вѣсти, да на-весну-то и самъ съѣзжу въ орду. Хочу на Тверь перебираться.

Абрамъ. И благое дѣло... Своя отчина, али чужая сторона? Что говорить (*тихо*). На Псковичей надежда вѣдь плохая; вотъ хоть бы тогда, какъ были мы съ московскими подъ Опокой, „не измѣнимъ, не измѣнимъ князь Александру,“ а глядимъ и тащатся съ поклономъ къ намъ на Опоку.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ну, тогда была неволя...

АБРАМЪ (*тихо*). Да и теперъ неволя будетъ; вѣдь не душа лжетъ, а неволя. Нѣтъ, князь, что ни говори, а какъ свой уголъ устроилъ, — дѣло здоровѣе. Теперъ пока Литва, — надо правду говорить, — Москва Литвы побаивается... Я не посломъ къ тебѣ пріѣхалъ, не серчай за правду: не будь Литвы, ну гдѣ-бы усидѣть тебѣ во Псковѣ десять лѣтъ? Да, года-бы не усидѣть.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не усидѣть-бы.

АБРАМЪ Ну. А нончѣ, вѣдь, Литвинъ своякъ Московскому; вотъ эта разсорились, такъ Новгородъ маленько было поднял голову. Миръ до рати, рать до мира. Смирятся, — онять поклонись Москвѣ. Что станешь дѣлать? Сильна. Въ ордѣ-то вонъ ворочаетъ, какъ хочеть; сила неодолимая... (*еще тише*). Опять-же знать нельзя; орда покунное дѣло, тамъ уладишь — може и Новгородъ и Володимеръ... чѣмъ ваши роды хуже? Бывали на великомъ-то княженіи.

Кн. Александръ Михайловичъ. Богъ съ нимъ съ великимъ княженьемъ, хоть-бы своей-то опришныны не потерять. Вѣдь не былые годы, не молодость; уходился. (*Въ сторону*). А впрямъ на дьявола онъ, смахиваетъ; правду говорилъ Истома (*Громко*). Спасибо, что пріѣхалъ.

АБРАМЪ. Какъ не пріѣхать. И князь Федоръ-отъ просилъ: „Абрамъ,“ говоритъ, „какъ можно, съѣзди къ батюшкѣ.“ Какъ, мошь, не съѣздить, княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо. Слава Богу, что все по доброму.

АБРАМЪ. Какъ сказано. Мы диву всё дались: пожалованъ, обласканъ.

Кн. Александръ Михайловичъ (*про себя*). Знаю эту ласку... О, злѣе зла ты честь татарская!

АБРАМЪ. Прости.

Кн. Александръ Михайловичъ. Куда-же ты? Откушай хлѣба-соли.

АБРАМЪ. Обѣдали... Да я зайду еще. Къ благопріятелямъ надо побывать, къ Немятому, да къ Силѣ Иванычу Тревогѣ. Ихніе-то на Москвѣ, съ мѣхами, такъ наказывали тоже по-видать, серебреца прислали; съ нимъ носится-то, обронишь либо-что...

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо.

АБРАМЪ. Не на чемъ. Чтой-то ты? Ваши слуги-то чай.
(*Уходитъ*).

Кн. АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ. Страшно! Мы обезумѣли отъ злобы; не видимъ что вокругъ насъ дѣется: уныли наши грады. села опустѣли; христіанъ, братьевъ нашихъ голодныхъ и холодныхъ стадами, ровно безсловесныхъ, гонять на мученіе. А мы, князья, чѣмъ бы оборонити волости, межъ собою крамолу куемъ, про малое великое вчинаемъ. Въ землѣ незнаемой легли держальники земли, родные старцы наши... Ихъ сѣдину масти-тую, мы отдали на поруганіе безъ боя, норовя злодѣемъ, отдали. Нѣтъ, въ старину, князья русскіе не таковы были. имя ихъ славно было во всѣхъ странахъ, грозно на ратяхъ; завиди издалеца ихъ стяги княжіе, дрожали вороги. О... доведетъ ли, по старинѣ, вступить въ златое стремя, за ту обиду русскія земли, за прошитую не повинно кровь, за поруганіе отцовъ и братьевъ нашихъ? Неужто землѣ вѣкъ стонать? Неужто же хоть наши внуки не очнутся, не встануть, какъ едины, за мать свою, за Русь родную? (*Задумывается*). Отнесу княгинѣ вѣсть о Ѳедорѣ.

IV.

Псковъ.

(*Вечеръ. Улица у княжова двора*).

АБРАМЪ, ЗАБОТА.

АБРАМЪ. (*Вышивши*). Ты не отъ князя-ли?

ЗАБОТА. Нѣтъ, изъ дому; я давѣ былъ у него. А ты али проститъся?

АБРАМЪ. Хотѣлъ было, да запоздалъ, затолковались у Тревоги: тары да бары, да и просидѣли до пѣтуховъ. Когда-же вы на Тверь?

ЗАБОТА. Еще не вѣдаемъ. Что скажетъ Орда... Вотъ ждемъ князь Ѳедора, что онъ намъ привезетъ...

АБРАМЪ. Съ пожалованіемъ князь Ѳедоръ къ вамъ приѣдетъ. Теперь Москвы бояться неча вамъ; въ ордѣ въ почетѣ сами.

Завота. Обѣ Москвѣ мы и не думаемъ. Тверскія свою отчину вѣдали и вѣдаютъ.

Абрамъ. А Володиміръ чѣмъ не отчина? И тамъ, вѣдь, сиживали ваши.

Завота. Сиживали. А чужа душа потемки; чего не вѣдаю, того не говорю.

Абрамъ (*про себя*). Вишь, старый плуть, и глазомъ не смигнетъ. (*Громко*). А во Псковѣ какъ-же? Чай, оставите намѣстника?

Завота. И этого не знаю; обѣ отъѣздѣ ничего еще со Псковомъ не говорено у князя Александра Михайловича.

Абрамъ. Нешто. Ну а мошну-то понабили, чай, у насъ таки; жить можно, а?

Завота. Не таковъ нашъ князь, чтобы мошну набить чужимъ добромъ; что взято у васъ, у васъ и останется.

Абрамъ. Таковъ, не таковъ, а все, чай, пазуха-то потолще стала прежняго... Вѣдь голъ пріѣхаль-то къ намъ съ Твери. (*Молчаніе*). Дай попытаюся, авось не спить. Уѣхать, не простяся, не пригоже. А надо ѣхать въ ночь

Завота. Войди ино. Спроси на сѣняхъ.

(*Абрамъ входитъ на крыльцо*)

Завота. Эка спѣсь. . Святая правда, что богатому-то мудрено войти въ царствіе Божіе.

V.

Истома. Что князь не спить еще?

Завота. Не спить. А что?

Истома. Да надо-бы къ нему мнѣ. Надо упредить его. Абрамъ пріѣхаль, слышно, развѣдывать; съ нимъ надо ухо остро держать.

Завота. Я сказывалъ, вѣдь, князю. Дѣло видное зачѣмъ. Князь Оедоръ, вишь, просилъ его. Како радѣнье вдругъ напало у него обѣ насъ. Да ты войди на сѣни; онъ у князя.

Истома. Не пойду, коли онъ тамо.

Завота. Для-ча же?

Истома. Да отъ грѣха по-дальше; подерусь, не вытерплю, Богъ святъ...

Завота. Вѣдь всѣхъ не переучишь, не передѣлаешь. Что путнаго во дракѣ?

Истомѣ. Путь какой. Да коли... Знаешь ты меня, чай? И Абрама знаешь... Ну, рассказывать тутъ нечего.

Завота. Вѣстимо лучше не ходить коли... Хоть лады плохіе у васъ съ Новгородомъ, а все не то, что брань. Они же васъ сильнѣе.

Истомѣ. Во многѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда. Новгородцы думаютъ: „вогъ Псковъ лишится князя, — наша воля“. Не дождать: мы на своемъ поставимъ, — ни посадникамъ, ни ихъ владыкѣ не судить во Псковѣ. Будеть, погостили. Надо и честь, вѣдь, знать. Прости. *(Кланяется и уходитъ)*.

VI.

Князь Александръ Михайловичъ, Стояновъ и Аврамъ — *(сходятъ съ крыльца; послѣдній тотчасъ же и уходитъ)*.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ты здѣсь дѣдушка, а мы, было, къ тебѣ. Осипъ изъ орды пріѣхалъ. Ѳедоръ, сказываетъ, на Твери. Надо ѣхать, не мѣшкай: вѣсти пока добрыя. Тебя я съ собой потащу.

Завота. Поѣдемъ. Ну а съ княгиней-то какъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Семью здѣсь пока оставимъ: воротимся добры здоровы и перевеземъ ее на Тверь.

Завота. Это дѣло. Ну а еще что вѣстей?

Стояновъ. Добраго мало. На Ростовѣ, поразказали намъ дорогою, что дѣется и Господи твоя воля! Бояринъ московскій, Кочева, слышь, всѣмъ орудуетъ; Акинфа посадника повѣсилъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Посадника? А гдѣ князья-то?

Стояновъ. Князья, слышь, тутъ, да ни о чемъ у нихъ не спрашиваютъ; Кочева судить и рядить; опустился. баютъ, совсѣмъ Ростовъ великій. — одна слава, что княженье. На Суздаль тоже, слышь...

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ до чего дошло. Какъ-

же сидѣть-то? Какъ не идти въ орду? Лучше смерть пріять, чѣмъ эдакое поруганье.

Забота. Времена! Прогнѣвали мы Царя небеснаго.

VII.

Шолога. Истома.

Шолога. Мы прослышали, княже, что ты завтра ѣхать отъ насъ въ орду думаешь.

Кн. Александръ Михайловичъ. Завтра. Не держите. Пока ханъ милостивъ.

Истома. На вѣчь-то хоть завтра побывай, простись со Пеговичами.

Кн. Александръ Михайловичъ. Какъ не проститься, уѣду-ли такъ.

Истома. То-то. Горько намъ съ тобой разстаться.

Кн. Александръ Михайловичъ. Мы не расстаемся. Въ Тверское княженье ходите, какъ въ свое, гостите; ни мыта съ васъ, ни пошлины. Какъ жили, такъ и жить будемъ.

Шолога. На томъ спасибо. Горько, горько разставаться намъ съ тобою, благовѣрный княже. За тобой мы жили, что у Христа за пазухой. Тишина какая была; съ местеромъ въ мѣрѣ были, съ Литвою тоже. (*Молчаніе*). Ну, пойдѣте. Завтра-бы чѣмъ свѣтъ вѣче звонили, да и поповъ оповѣсти Истома, молебень, де, напутственный надо отслужить у Живоначальной Троицы. Ровно мы и не живали съ тобой. И мнѣ пора, знать; будетъ, послужилъ. Вотъ провожу тебя, да и на вѣчный покой, и въ домовину.

ДѢЙСТВІЕ 5-е.

Тверь.

(Весеннее ясное утро; городъ за холмами, горы, хмель-
никъ, черемуха въ цѣпту; крыльцо; видны верхи теремовъ.
Между двумя деревьями качель. Вдали городская, деревян-
ная стѣла; надъ ней свѣтитъ покой и мѣстами видны
полевые луга.)

I.

Кн. Михаилъ. Няня, *(сидяютъ по городу.)* Князь Алек-
сандръ Михайловичъ, княгиня Настасья *(сидятъ на крыльцо.)*

Кн. Михаилъ. Няня, погляди какой цвѣточикъ. Гляди.

Няня. А...! Какой и впрямь пригожій. Подъ-ка, мамъ по-
кажи. Мама, погляди какой у него цвѣточикъ.

Кн. Михаилъ. Мама погляди.

Княгиня. Пригожь, мой ангель.

Кн. Михаилъ. Изъ много тамо-тко.

Княгиня. Ты еще сыщи, воть отцу.

Няня. Сбѣгай княжичъ; сорви еще.

Князь Михаилъ и Няня *(уходятъ.)*

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ мы и на Твери;
все еще не вѣрится, что дома. Какъ это все содѣялось, одинъ
Богъ вѣдаетъ. Думали ли мы жена? Знать у Бога то все
возможно; что на ковръ самолетъ перелетѣли.

Княгиня. Слава Богу.

Кн. Александръ Михайловичъ. Только вотъ ты,
княгиня, что-то у меня не весела, тоскуешь.

Княгиня. Я не тоскую.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не тоскуешь, а взды-
хаешь то и дѣло, худѣешь день отъ дня, плачешь втихо-
молку. Ты думаешь я не вижу?

Княгиня. Не гляди ты на меня, я плачу отъ радости.

Князь Михаилъ, Няня *(входятъ.)*

Кн. Михаилъ. Вотъ сколько ихъ, цвѣтковь-то, мама.
(Князь Александръ Михайловичъ беретъ его на колѣни.)

Вотъ и тебѣ цвѣточикъ. Это ландышь, няня?

Няня. Ландышь, княжичъ.

Кн. Михаилъ. А это?

Няня. Это Иванъ да Марья.

Кн. Михаилъ (*отцу.*) Иванъ да Марья.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ годы-то счастливые. Прямые ангелы Божии: добудеть цвѣточикъ и радъ.
(*Спускаетъ съ колыбѣ князя Михаила.*)

Кн. Михаилъ. Пойдемъ на ручей, няня, тамъ одуванчики.

Няня. Пойдемъ.

Княгиня. Гляди за нимъ, не упалъ бы въ воду.

Няня. Не бойся, княгиня матушка; пушу ли къ водѣ.
(*Няня и княжичъ уходятъ.*)

II.

Князь Ѳедоръ (*) (*входитъ*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Вонъ и Ѳедоръ къ намъ идетъ.

Кн. Ѳедоръ. Князь Василій Давыдовичъ ярославскій къ намъ, слышь, ѣдетъ, батюшко. Стояновъ встрѣлъ ихъ въ Троицкомъ; ужинали они тамъ; въ двухъ насадахъ идутъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Просимъ милости. Я ждалъ его; онъ меня оповѣщалъ, что будетъ.

Княгиня. Одинъ, али съ семьей?

Кн. Ѳедоръ. Одинъ.

Княгиня. Семья-то, гляди, не на Москвѣ ли? Видно у отца гостить княгиня-то.

Кн. Александръ Михайловичъ. Наврядъ. Онъ съ тестемъ не въ ладахъ.

Княгиня. Свои бранятся,—тѣшатся, поди, смирились.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нѣтъ, что-то не слышать о мировой. Вражду-то завести недолго, а миръ не вдругъ уладишь; искра не велика, а отъ нея сыръ боръ горить. Поѣдемъ-ка, однако, мы на встрѣчу, а ты княгиня похозяйничай. (*Уходитъ съ княземъ Ѳедоромъ.*)

Княгиня. Гостю этому я рада и не рада! угомонилася, было, вражда межъ княземъ Александромъ и московскимъ; князь

(*) Князь Ѳедоръ уже семнадцати лѣтъ.

Василій, того гляди, опять ее подыметъ и... Врядъ прочно наше счастье; много заразь: и поля-то наши вокругъ разубраны, —изукрашены цвѣточками, что коврами, и Волга-то матушка, и семья подлѣ; солнце-то, ровно, ярче прежняго свѣтитъ; воздухъ, —благодать какая. Народъ намъ радъ—радшенскъ, и онъ-то, мой родимый, счастливъ, веселье таково, покоенъ. Нѣтъ... много радости заразь, —боюсь не переполнилась бы чаша. (*Уходитъ на крыльцо.*)

III.

Няня, князь Михаилъ. (*Входитъ.*)

Няня. Тучка набѣжала съ Волги; парить нешто, дождика бы не было... Пойдемъ-ка за добра ума въ хоромы. (*Ведетъ княжича за руку на крыльцо.*)

Кн. Михаилъ. А тучка-то куда бѣжитъ няня?

Няня. Тучка-то куды? Кто ее вѣдаетъ родной мой; на то воля Божья.

IV.

Кн. Василій Давыдовичъ Ярославскій, князь Александръ Михайловичъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ, здѣсь прохладнѣе. Садись-ко (*садятся на скамью.*) Давно мы не видались. Изъ орды и ѣхаль, этта, забвжалъ къ тебѣ на Ярославль, ты былъ на полюдьѣ, не засталъ.

Кн. Василій Давыдовичъ. Лѣтъ десять не видалися. Какъ пожилъ ты во Псковѣ? По доброму ли все?

Кн. Александръ Михайловичъ. Слава Богу; спасибо псковичамъ.

Кн. Василій Давыдовичъ. Самъ былъ хорошъ до нихъ и они такожь, какъ аукнется, такъ и откликнется. А нонѣ, знать, къ Новгороду они опять тянутъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Иѣтъ съ Новгородомъ

ладовъ доселѣ нѣтъ. Того гляди литвина позовать къ себѣ на столъ Опсковъ.

Кн. Василій Давыдовичъ. Ну, это не само будетъ на руку тостюшгѣ моему Ивану Данилычу.

Кн. Александръ Михайловичъ. Уладятся. *(Молчаніе)* Нерадостную вѣсть привезъ ты мнѣ князь Василій Давыдовичъ.

Кн. Василій Давыдовичъ. Что дѣлать то? Пошли сперва ино князя Федора: услышишь: какъ тамъ. — тогда и самъ поѣзжай.

Кн. Александръ Михайловичъ. Боюсь и за парня-то. *(Молчаніе.)* Такъ, впрямь, Лука Протасевъ подбилъ князя Ивана жалобиться на насъ хану.

Кн. Василій Давыдовичъ. Тутъ не одинъ Лука, тутъ и твои, которыя отъ тебя, опрещъ, стѣбхали на Москву, не безъ того, радѣли. Лука лукавилъ, хоть онъ и вертитъ хвостомъ передъ тобой, хитерь вѣдь дьяволь, лести одна на сердцѣ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Я не дивлю ужь о себѣ: ну, искони у насъ вражда семейная: князь Митрей, грозныя очи, Юрья убилъ: тутъ, — всѣ мы человекки, надо такъ судить, — ну, а съ тобой-то что у него? Что ты ему сдѣлалъ? Опять же, дочь родная, вѣдь, ему твоя княгиня-то; сыновья твои ему внучата.

Кн. Василій Давыдовичъ. Богъ съ нимъ. А ты спроси, да не меня, другихъ, спроси: какъ я любилъ его, вѣдь какъ отца роднаго, души не слышалъ въ немъ. Сначала мнѣ пріять онъ; вдругъ сталъ навѣтовъ слушать: всѣ его головы ищутъ, всѣ враги... А бояра тому и рады; они насъ всѣхъ извести готовы: на мѣсто насъ, князей они глядятъ засѣсть по волостямъ, чтобъ наши дѣди земли не блюсти, а грабить. Кочева-то на Ростовѣ? Вѣдь экого насилья отъ поганыхъ не видали волости.

Кн. Александръ Михайловичъ. А жаль мнѣ князь Ивана: поди, вѣдь, онъ не вѣдать сна покойнаго, не то что радости. Что што онъ богатъ, да силенъ? Имѣнье мира, тишины душѣ не дастъ.

Кн. Василій Давыдовичъ. Землю собираетъ во едино... Онъ собирай любовьюю, а не золотомъ, не кровью братней, землю-то. Наши прадѣды держали крѣпко земской

стягъ велико княжескій до той поры, пока была любовь: пошла усобица, которы, по бѣсовскому внушенью. — все развалилось врознь. Любовь да вѣра, крѣпче связи нѣтъ!

Кн. Александръ Михайловичъ. Охъ, по грѣхамъ по нашимъ, далеко зашла вражда-то, врядь унять ее.

Кн. Василий Давыдовичъ. Покаяться другъ передь другомъ, унялась бы: „вотъ, молъ, брате, я виновенъ передь тобой, то и то я мыслилъ на тебя. прости Христа ради.“ Все бы по-братски обнялися, и то-то праздникъ быть бы на Руси, что свѣтлый день.

Кн. Александръ Михайловичъ. Татары бы тогда.

Кн. Василий Давыдовичъ. Что намъ тогда татары! Будь ко любовь-то!

У.

Князь Ѳеодоръ, князь Михаилъ. *(На рукахъ у брата; оба въ рубашкахъ.)*

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ мои. Старшаго ты знаешь, а это, вотъ, Исковичъ; во Исковѣ родился; владыки новгородскаго Василья крестникъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. Иди ко мнѣ. *(Цѣлуетъ и кладетъ его по головѣ.)* Наши роды, наша кровь. Дѣдъ вылитой. А кой годокъ-отъ?

Кн. Александръ Михайловичъ. Шестой пойдетъ на Максима исповѣдника. Ну, Ѳеодоръ, отведи-ко ты его, да воротися; надо намъ подумать кое о чемъ вмѣстѣ.

Князь Ѳеодоръ *(уводитъ брата.)*

Кн. Василий Давыдовичъ. На нихъ надежда вся; надо намъ ихъ сдруживать, чтобы другъ друга знали. Привезу когда къ тебѣ своихъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Я самъ къ тебѣ, по Волгѣ, всей семьей приѣду. Лѣтомъ, какъ-нибудь, насадъ наладимъ, да и спустимся къ вамъ погостить на Ярославль городъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. Просимъ милости. Вотъ только въ ордѣ-то далъ бы Богъ уладить.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да; эта бѣда не пасеная. (*Задумывается.*)

Кн. Василій Давыдовичъ. Какъ ты тогда-то? Вступился нешто кто изъ ближнихъ за тебя?

Кн. Александръ Михайловичъ. Вонъ кто вступился, — Богъ. Пришелъ я къ хану, поклонился: „вотъ голова моя, вольный царю; много зла тебѣ я сдѣлалъ; хочешь милуй, не хошь, — казни“.

Кн. Василій Давыдовичъ. Видима Божья помощь.

VI.

Князь Ѳеодоръ (*входитъ.*)

Кн. Александръ Михайловичъ. Присядемъ. Князь Василій Давыдовичъ привезъ намъ вѣсть такову: насъ и князя Василья и всѣхъ князей передъ ханомъ обмолвили. И прислалъ новъ ханъ по всѣхъ по насъ, опричь великаго князя московскаго: „шли бы улусы мои въ орду, а я ихъ жаловати буду по заслугѣ“. Жалованье татарское мы вѣдаемъ, на него не льстимся, а идти надо намъ за тѣмъ, чтобъ оправдаться; неидти, — того и жди, опять неповинная кровь крестьянская полетѣтъ, опять полоны пойдутъ, опять землѣ тягота, храмамъ Господнимъ раззореніе. Вотъ мы и надумались, удѣльные, идти — и все какъ есть по правдѣ, по душѣ, предъ очами ханскими разказать; авось Царь небесный, правду нашу вида, за насъ заступится.

Кн. Ѳеодоръ. Вѣстимо. Только ты не ѣзди батюшко; я съѣзжу.

Кн. Александръ Михайловичъ. Какъ тебѣ ѣхать? Разума, я знаю, хватить у тебя и не на это, Богъ не обидѣлъ, надо правду говорить, хоть ты и сынъ мнѣ. Заботу я приплю къ тебѣ, буде въ чемъ посовѣтоваться... не въ этомъ дѣло, дѣло въ томъ: ну какъ да вспомнать старое татары, какъ да мы оклеветаны предъ ханомъ такъ, что и оправданья нашего не выслушаетъ?

Кн. Ѳеодоръ. Какъ не выслушать? Мы чисты. Правда тоже солнце, — не загородишь ее ни чѣмъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. Нѣтъ князь, помоему, отправь сначала сына; ханъ разгнѣванъ, одно лицо твое ему все старое напомнить, сердце закипитъ,—какой тутъ будетъ судъ? А обойдешь, обгладишь, и на строгаго коня сядешь, пословица.

(Молчаніе)

Кн. Александръ Михайловичъ. Каюсь, страшно мнѣ за сына... Да и мать...

Кн. Ѳедоръ. Матушкѣ не скажемъ; скажемъ къ князь Василью въ Ярославль, али въ Ростовъ, вы посылаете меня съ какимъ орудьемъ..

Кн. Александръ Михайловичъ. Обманешь материню сердце.

Кн. Ѳедоръ. Вѣдь и ты поѣдешь, легче нешто расставанье-то?

Кн. Василий Давыдовичъ. Одно и тоже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Боюся... Василий Давыдычъ, какъ ты думаешь?

Кн. Василий Давыдовичъ. Тяжело; когда не тяжело? Я вѣдаю, да чѣмъ пособишь? Самому тебѣ ѣхать, не развѣдавъ, на вѣрную смерть идти.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да будетъ ино воля Божья. Пойдемъ благословлю. А матери не говори покудова.

Кн. Ѳедоръ. На что до времени.

Кн. Александръ Михайловичъ. Пойдемъ.

VII.

Няня, Княгиня, Князь Михаилъ (идутъ изъ саду.)

Княгиня. Что это матушка не ѣдетъ съ Кашина? Вѣстей нѣтъ. Пора бы ужъ по время-то... Здорова ли?

Няня. На той недѣлѣ, раньше и не жди ее... говѣтъ вѣдь она хотѣла!

Княгиня. Тошнехонько безъ нея: она, родимая, когда взгрустнется,—разговорить, утѣшить; легче станеть.

Няня. Что съ тобою? Какъ въ Тверь пріѣхала, вотъ, словно въ воду опустили тебя. Во Псковѣ, и здорова, и весела была, не наглажусь я, не нарадуюсь бывало: смѣешься,

шутись, ровно пташечка... Здѣсь сторона своя, семья вся въ кучкѣ, и матушка подлѣ тебя, и всѣ, а ты все „грустно да грустно.“ На лѣсъ бы ее тоску то Что-й-то?

Княгиня. Не даромъ, не передъ добромъ.

Няня. Наговаривай а ты. (*Уходитъ*).

VIII.

(*Съни на княжескомъ дворѣ*).

Кн. Александръ Михайловичъ, Князь Василій Давыдовичъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. (*Въ раздуми*). Что мы знаемъ князь Василій Давыдычъ? Може такъ и надо, може всѣ эти жертвы Богу да землѣ и надобны? Какъ знать намъ? Ты погляди-ко вокрѹгъ, вѣдь ничего даромъ не дѣлается въ мѣрѣ то Божьемъ: во всемъ твореньѣ мѣра строй.

Кн. Василій Давыдовичъ. Кто противъ этаго?

Кн. Александръ Михайловичъ. Можесть тотъ, кого ты за врага то считаешь самъ-отъ орудіе невольное; може волю Божию онъ, самъ того не зная творить. Какъ знать?

Кн. Василій Давыдовичъ. Судись по Божески.

Кн. Александръ Михайловичъ То-то и есть. А Божьи то судьбы неисповѣдимы, невѣдомы ни намъ и ни единому изъ человѣковъ. Хоть бы отецъ, князь Михаилъ, вѣдь могъ бѣжать, и коней слуги изготовили, и все, да не бѣжалъ, не захотѣлъ. Тутъ видно чья то воля была повыше человѣческой на то, чтобы ему пріять вѣнецъ-отъ мученической.

Кн. Василій Давыдовичъ. Пожалуй что.

Кн. Александръ Михайловичъ. Такъ вотъ ты и суди; и говори: „этотъ де мнѣ ворогъ;“ а быть ты самъ на его мѣстѣ, може тоже бы самое дѣлалъ. Не даромъ Христось то учить: „за враговъ молитесь.“

Кн. Ѳедоръ (*входитъ*). Лоды готовы, батюшко. Ждать нечего. Благословляй въ путину.

Кн. Александръ Михайловичъ. Въ часъ добрый. Дядей то нѣту жаль. Былъ у матери то?

Кн. Ѳедоръ. Еще не былъ. Я нянѣ сказывалъ, что ѣду

на Ярославль: князь, молъ, Василій посылаетъ; плачетъ горько, слышь: ужъ не сказалъ ли кто ей?

Кн. Александръ Михайловичъ. Бѣдная; во Псковѣ отдохнула; я, было, порадовался... Вся то жизнь у нея вотъ эдака: проводы, да встрѣчи.

Кн. Василій Давыдовичъ. Я на княгиню Анну не надивлюсь. Какъ еще жива? Вотъ горя то было.

Кн. Александръ Михайловичъ. Не говори. Пойдемъ-ко къ матери; да и на пристань время. Не осуди ужъ князь.

Кн. Василій Давыдовичъ. Я съ вами на рѣку поѣду; проводимъ вмѣстѣ княжича.

Кн. Александръ Михайловичъ. Спасибо. (*Уходитъ*). Ступай, ино, одинъ къ княгинѣ; да, мимоходомъ, скажи тамъ отрокамъ: князю Василью осѣддали бы темносѣраго „Орла.“ Жеребенокъ богатырскій; подарокъ Псковичей на разставаньи.

(*Князь Федоръ уходитъ*).

А князь Иванъ опять идетъ въ орду?

Кн. Василій Давыдовичъ. Да, Лука Протасевъ сказывалъ, собирается и съ сыновьями, съ Семеномъ и Иваномъ, а Ондreja, слышь, отправилъ въ Новгородъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Отдалъ нелюбви Новгороду..

Кн. Василій Давыдовичъ. Разжалобился, отдалъ. Литва ему тамъ насолила, ну и на выходы, на дани тугонекъ господинъ великій Новгородъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Стало съ Федоромъ въ ордѣ они вмѣстѣ будутъ. Будемъ ждать вѣстей.

Кн. Василій Давыдовичъ. По моему бы знаешь что? Ждать нечего намъ Федора. Поѣдемъ-ко на дняхъ; пока что въ Ярославль погостишь у насъ; а тамъ, недолга пѣсня, сынъ пришлетъ съ вѣстями, и пойдемъ, благословясь.

Кн. Александръ Михайловичъ. А что ты? Это дѣло. Жена вотъ только...

Кн. Василій Давыдовичъ. Да вѣдь ужъ, не нынчѣ, завтра; все едино, разставаться надо рано ли поздно ли. Скажи идешь на ловы ко мнѣ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да; такъ скажу. Жаль матушка то въ Кашинѣ; при ней бы все лучше. (*За-*

думывается). Дѣло ты придумалъ, неча ждать; не торопясь и станемъ подвигаться. Послать вотъ надо мнѣ къ митрополиту благословенья попросить; пошлю гонца сегодня же въ ночь. Дома дѣла нѣтъ теперь большаго; на полюдѣ былъ. Что дѣло, то дѣло.

Отрокъ (*входитъ*). Князь Федоръ Александрычъ прислалъ спросить: повелишь отчаливать, али подождать тебя?

Кн. Александръ Михайловичъ. Нешто онъ нарѣкѣ ужь?

Отрокъ. На рѣкѣ. Совсѣмъ готовы; ждуть тебя.

Кн. Александръ Михайловичъ. Проворень. Ну такъ незамай идутъ, а подождали бы на Троицкомъ. Я туда, ино, крѣду къ нимъ проститься.

Отрокъ. Слышу (*уходитъ*).

IX.

Завота, два Старика.

Завота. Вотъ, княже, къ тебѣ съ торгу пришли, отъ м ра.

Кн. Александръ Михайловичъ. Милости прошу.

1-й Старикъ. Насъ мѣръ послалъ къ тебѣ съ челобитьемъ, княже благовѣрный; слышали мы, тверичи, что ты въ орду идти задумалъ, сошлись на торгъ померекать объ этомъ; хоша знаемъ мы: „хвостъ головѣ не указка;“ одначе, видя понѣшнее трудное время, земли нашае разоренье недавнее помня, и то подумали: „безъ матки рой не держится,“ и порѣшили бить челомъ тебѣ, на посулы ханскіе не полагаея, отчины своей пожалѣть, не ходить, пока что. къ хану.

2-й Старикъ. Мѣръ просить тебя не отступно, княже милостивый.

Кн. Александръ Михайловичъ. Скажите мѣру: вѣдь землѣ тяжеле будетъ, мнѣ нейти; увидя ослушанье мое, ханъ опять посла нашлетъ, опять полоны пойдуть, опять дочерямъ да женамъ поруганье начнется; а домамъ вашимъ и церквамъ Божиимъ разореніе.

2-й Старикъ. Никто какъ Богъ.

1-й Старикъ. Мы объ этомъ такъ удумали: хоша и разорень, а все таки онъ домъ, когда въ немъ хозяинъ есть. Съ

тобой и жить, и умереть, а безъ тебя, храни Богъ, куды намъ дѣться то?

Кн. Александръ Михайловичъ. Надо всёми воля Божья, а и меня не станеть, безъ хозяина не будете: братъ мой молодшій Константинъ, прямой вамъ отчичъ и дѣдичъ.

1-й Старикъ. Такъ это неспорно. княже благовѣрный. Одначе: у тебя дѣти, оцо братъ князь Василій Михайлычъ, у нихъ у обонхъ дѣти; нонѣ ты имъ всёмъ глава, въ отцово мѣсто, — не возьми во гнѣвъ, а „что въ людяхъ, отъ того и мы не прочь,“ „на грѣхъ старосты нѣту,“ пословица, — доведись до чего: „царство раздѣлится, скоро раззорится,“ самъ ты вѣдаешь.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вы князя Константина Михайловича знаете. Кто же, какъ не онъ, и обновилъ отцовское княженъе; онъ собиратель нашей отчины. Ни семья моей, ни васъ онъ не обидить. А нейди мнѣ, сами вы помыслите, землѣ не сдобровать тогда.

1-й Старикъ. Какъ тутъ? Что мы скажемъ міру?

2-й Старикъ. Не побываешь ли самъ, ино, на торгу, княже милосердый; насъ зайдятъ, услышать, что не умолили мы тебя остаться.

Кн. Александръ Михайловичъ. Я съѣзжу. Подождите здѣсь на сѣняхъ. Мнѣ не охота вѣдь и самому идти, да какъ не пойдешь? Что дѣлать то?

1-й Старикъ. Прискорбно намъ вельми твое отшествіе; порадовались было мы, тебя, вновь, на отчинѣ своей вида.
(Уходятъ).

Кн. Василій Давыдовичъ. Боятся за тебя.

Кн. Александръ Михайловичъ. Какъ имъ не бояться; не мало горя видѣли. (Благовѣсть). Къ обѣднямъ. Съѣзжу на торгъ, да помолиться надо; изъ собора зайдемъ къ владыкѣ.
(Идутъ).

Х.

Княгиня, Няня, (входятъ на встречу князьямъ). Князь Михайлъ.

Княгиня. Князья... Не осудите, мы свои.

Кн. Александръ Михайловичъ. А я думалъ ты у обѣдни.

Княгиня. Нѣтъ, не пошла, не можется мнѣ... сядемте... Князь Константинъ, знать, такъ и не простился съ Ѳедоромъ-то?

Кн. Александръ Михайловичъ. Онъ на ловахъ.

Княгиня. А князь Василий?

Кн. Александръ Михайловичъ. Въ Кашинѣ: за матушкой поѣхалъ.

Княгиня. Да... я позабыла.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да что прощаться-то? Далеко ли Ярославль? скорехонько вернется.

Княгиня. Врядъ вернуться. (*Мужу.*) И ты вѣдь ѣдешь?

Кн. Александръ Михайловичъ. Вотъ князь Василий зоветъ къ себѣ, потѣшиться, на ловъ.

Княгиня. На ловъ... Не уловили бы твою-то голову. Эти ловы безъ крови не бываютъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. У насъ вѣдь звѣря эдакаго нѣтъ; ни тура нѣтъ, ни вепря.

Княгиня. Есть, какъ не быть, князь Василий; вездѣ онъ водится, этотъ звѣрь, что крови ищетъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. Господь съ тобой. Вѣдь онъ къ своимъ чай ѣдетъ.

Княгиня. Не къ тебѣ онъ ѣдетъ.

Кн. Василий Давыдовичъ. Ко мнѣ.

Княгиня. Не утѣшайте; гдѣ утѣшить того, чья жизнь вся протекла въ тревогѣ, чья душа чутка, что птица пуганая? Мнѣ вѣтеръ, плескъ волны на Волгѣ все расскажетъ. Когда вы ѣдете?

Кн. Александръ Михайловичъ. Да послѣ завтра думали было.

Княгиня (*падаетъ на колѣни*). Родимый, другъ мой милый... о... не ѣзди. Не для меня; вотъ для кого... Родной вѣдь сынъ тебѣ онъ... я знаю куда вы ѣдете.

Кн. Александръ Михайловичъ (*подымаетъ ее*). Встань... не плачь. Для сына я и ѣду.

Княгиня. Для сына? На смерть-то.. Да пусть онъ нищимъ будетъ.. Вѣдь никакая волость отца не замѣнитъ. Да не замай онъ смердомъ..

Кн. Александръ Михайловичъ. Тсс... Такъ чтожь, по

твоему, погибнуть роду славному Тверскихъ князей? Въ Москву въ бояра что ли сына-то ты прочишь? Постыдись; вѣдь ты великая княгиня тверская.

Кн. Василий Давыдовичъ. Князь, пожалѣй ее.

Кн. Александръ Михайловичъ. Отецъ и дѣдъ за что же и легли какъ не за землю, не за насъ блюстителей христьянства.

Княгиня. Господи!

Кн. Александръ Михайловичъ. Ты матери моей спрости; вотъ каково ей было, какъ мужа-то да сына, въ одно лѣто, порѣшили? Да не выла; не голосила: „дѣтей-де въ смерды.“

Завота. Князь Александръ Михайлычъ... княгиня, — выдъ родная.

Княгиня. Выду... Богъ съ тобой. *(Беретъ за руку сына).* Пойдемъ... княженья славныя...

Кн. Александръ Михайловичъ. Жена... ты мать... ты княжича погубишь этими рѣчами... Ну какъ да баба выдетъ изъ него? Какъ ему тогда княжимъ стягомъ ворочать? Веретено, не мечь ему дадутъ, и не коня, а прялку.

Кн. Василий Давыдовичъ. Не разбивай ты сердца вдосталь, князь Александръ. Помилуй.

(Княгиня опускается на лавку. Князь Александръ Михайловичъ ходитъ взадъ и впередъ. Молчаніе.)

Кн. Александръ Михайловичъ. Она не помнила что говорила... Она вѣдь не такая у меня; она не можетъ... Я вспылилъ. Прости меня, моя голубка.

Княгиня. Я виновата... другъ... мой соколъ ненаглядный, виновата.

Кн. Александръ Михайловичъ *(цѣлуетъ ее въ голову).* Спасибо. Выслушай: въ орду мы ѣдемъ; былъ я тамъ; вернулся. Въ Божью помочь вѣруй, — молись. Случится что со мной, останусь, — Богъ надъ вами. За сиротами Богъ.

Княгиня. Прости... А сынъ-отъ?... Федоръ-отъ... туда же, вѣдь, отѣхалъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Да будетъ воля Божія надъ нами? Всѣ туда идемъ; съ Москвой судиться... клеветъ и ябедамъ конца не будетъ. Пускай насъ ханъ разсудить... Богъ и правда Божія за насъ, жена! не сгинемъ. Мы.. посидѣть къ тебѣ... придемъ послѣ обѣдни. Поди прилягъ.

Княгиня. Да будет милость Божія надъ вами. (*Уходитъ съ нянею и сыномъ*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Помолиться надо. Тяжело. Жаль бѣдную ее мнѣ, князь Василій. Она не вынесетъ, храни Богъ... Надѣюсь на одно, на мать, княгиню Анн ... Святимъ елеемъ вѣры и любви она уиметъ томительную боль, она залечитъ сердца раны. (*Уходятъ*).

XI.

1-й Отрокъ, 2-й Отрокъ. Вотъ отсюда виднѣе. (*Смотрятъ въ окно*).

2-й Отрокъ. Да когда ѣдутъ князя-то?

1-й Отрокъ. Невѣдаю. Велѣно все приготовить къ завтраму. (*Смотритъ въ окно*.) Гляди, гляди, народу-то, народу; обступили, не пускаютъ... гляди: коня схватили подъ уздцы. Экъ набралось; и видимо не видимо... Еще валяютъ отъ торгу.

2-й Отрокъ (*тоже глядитъ въ окошко*.) Ай — ай; князь подзвалъ Стоянова; вонъ нешто говоритъ ему... Поѣхали, народъ раздался; сняли шапки нешто всѣ, и князя... А вонъ отъ Спаса съ образами идутъ встрѣчу. Князь Александръ Михайлычъ остановился; говоритъ народу что-то. Пойдемъ, послушаемъ.

Стояновъ. (*входитъ*.) Куда вы запропастились? Проворнѣе ведите телѣги бы закладывали. Короба уложены?

2-й Отрокъ. Готовы.

Стояновъ. Ну такъ тотчасъ же ихъ посылай на пристань. Сегодня въ ночь князь ѣдетъ.

1-й Отрокъ. Въ ночь?

Стояновъ. Да; сегодня ночью. У крыльца меня увидѣлъ, подзвалъ: „чтобъ было все готово, баеть, къ вечеру; сегодня я ѣду. Вотъ тутъ и дѣлай какъ знаешь.

(*2-й отрокъ уходитъ*).

1-й Отрокъ. Знать народъ-отъ надоѣлъ ему? А вѣдь объ дѣлѣ просить.

Стояновъ. Знаю, что объ дѣлѣ. Да вѣдь и князь-отъ не безъ дѣла тоже ѣдетъ. Стало нужда. Съ Москвы-то вонъ сегодня вѣсти-то какія.

1-й Отрокъ. А что?

Стояновъ. Да выслать ратныхъ, слышь, московскій на дорогу, къ Волгѣ; хочеть перенять князя Василья ярославскаго, не допустить до хана.

1-й Отрокъ. Такъ развѣ князь Иванъ ужь воротился изъ орды?

Стояновъ. Вернулся. А туда, слышь, посылаетъ сыновей съ Лукой Протасьевымъ. Ийдемъ. Толковать то некогда.

1-й Отрокъ. Пойдемъ. Экъ жалко князя. Плохо тѣлу безъ главы.

ХП.

Князь Александръ Михайловичъ, князь Василій Давыдовичъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нѣтъ, тяжело. Нонче же въ ночь уѣду; такъ измучишься и ихъ измучишь.

Кн. Василій Давыдовичъ. Непогожо больно.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ничего. Хоть недалеко тутъ отойдемъ и то ужь легче; сердце болитъ глядѣть и на народъ и на своихъ. Къ матери гонца вотъ не посылать, ну, да она благословитъ меня заочно. Богъ съ ней родной. Поѣдемъ нонче князь Василій: ждатель не подь силу.

Кн. Василій Давыдовичъ. Я не прочь. Къ тому же надо въ Ярославль приготовить ратныхъ. Безъ боя дѣло врядъ ли обойдется. Вѣтеръ-то кабы угомонился къ вечеру.

Кн. Александръ Михайловичъ. Вѣтеръ намъ попутный.

ХІІІ.

Стояновъ (*входитъ*). Лодки изготовлены княже.

Кн. Василій Давыдовичъ. Что вѣтеръ поутихъ?

Стояновъ. Нѣтъ княже; такъ и рветъ веревки, снасти, насады рвутся съ якорей, что звѣри лютые, а выше, на верховьѣ, темь такая, —ночь осенняя И Боже упаси что дѣется.

(*Громъ вдали.*)

Кн. Александръ Михайловичъ. Гроза. Гдѣ-то мой Ѳедоръ? Переждемъ часокъ другой; авось утихнетъ.

Стояновъ. Врядъ утихнуть за ночь; тучи все надвигаютъ. На перевозѣ баяли, двѣ барки съ хлѣбомъ разбило у Нееловой косы.

Кн. Александръ Михайловичъ. Никто какъ Богъ. Спроси у лодочниковъ: есть ли снасти запасныя? Топоры чтобъ были; возьми изъ кладовой свои. Запасы, коробка уложены?

Стояновъ. Все уложили, княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ну, такъ вели перевозить на лодки остальное. Послѣ вечерень мы прїѣдемъ на берегъ.
(Стояновъ уходитъ).

Кн. Василій Давыдовичъ. Вѣтеръ поперешный; вотъ какъ низовый такъ страсть, одинава подѣ Святославимъ полемъ насъ засталъ; ужъ задалъ онъ намъ трепку.

Кн. Александръ Михайловичъ. Братевъ жалко нѣту, Константинъ прислалъ сказать: недужаетъ. Не доведется знать проститься съ ними. Пойди благословить жену, да Мишу, и въ путь. Что-то мнѣ сдается: мѣшкать намъ не надо. Ѳедоръ меня тревожить. (Уходятъ).

XIV.

(Княгининъ теремъ.)

Княгиня, Князь Михлилъ, Няня, Князь Александръ Михайловичъ. (Входитъ изъ другой двери въ дорожную платъ).

Княгиня. Съ нами Богъ!... Въ дорожномъ... Въ эту бурю?... Господине...

Кн. Александръ Михайловичъ. Жена, Богъ помощь будетъ намъ. Какъ мѣшкать? Каждый часъ, ты знаешь, что можетъ принести: залогъ у насъ съ тобой неотъенный у татаръ. Онъ молодъ, люди вѣрные вокругъ него подожимъ, а все же не отецъ.

Княгиня. Да пережди хоть часъ... хоть дай мнѣ помо-

литься. Богъ услышитъ... слезы мои дойдуть: утихнетъ непогодь... волна уляжется.. Родной мой, ненаглядный, обожди.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ты помолишься за путниковъ; молитва твоя горячая кормиломъ будетъ намъ. Пойдемте... Сына... Мишу. *(Беретъ его на руки. Няня).* Пойдемъ ты... Ты намъ родная... Ты вынянчила ихъ.

Княгиня. Господь съ тобою... матушки-то нѣтъ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Какъ быть? Да на эдакое дѣло она благословить меня, знаю... Ну, пойдемте. Образъ Спасовъ, дѣдовскій, у васъ?

Княгиня. У насъ въ кіотѣ. *(Уходятъ. Занавѣсъ не на долю падаетъ).*

XV.

(Верхъ деревянной башни. Темная ночь. Громъ. Освѣчаетъ. Волги не видать.)

Княгиня, Няня, Князь Михайлъ, *(на рукахъ у няни)*. Три сѣнныя дѣвушки, два Отрока *(съ фонарями)*. *Всѣ всходятъ на башню и смотрятъ въ окна.)*

Голоса: *(вдали)*.

Кн. Александръ Михайловичъ. Снасти цѣлы-ли? Живѣе. У кормы не зѣвай.

Кн. Василій Давыдовичъ. Ребята, якорь, смотри не вдругъ; не само налегай. Вотъ такъ. Ай молодцы, ай други! съ эдакимъ народомъ что намъ буря.

Кн. Александръ Михайловичъ. Съ Богомъ. Отчаливай... Прощайте. Прощай жена.

Княгиня. Прощай... Пойдите.. Няня, Мишу... *(схватываетъ сына на руки и выставляетъ въ окно; женщины помогаютъ ей)*. Мишу-то благослови... Благослови еще...

Кн. Александръ Михайловичъ. Господь благословить. Молися. Помни: не зѣйся... тамъ мы вмѣстѣ.

Голоса гребцовъ и народа: Тронулась... Го-о-о! Молися православные.

Княгиня. Отчалили... отча... Да... тамъ, тамъ мы увидимся.. Тамъ лучше: разставаній нѣтъ. Я знаю, знаю,—вѣрю.

Няня. Матушка... Пойдемъ; глядикось воля Божія какая, вѣтеръ; ребенка-то простудимъ.

Дѣвушки. Не видать ужъ. (*Княгиню сводятъ съ лѣстницы*).

Княгиня. Вѣрите. Тамъ, мы всѣ... всѣ... вмѣстѣ. (*Уходятъ*).

XVI.

Орда.

(*Въѣздъ князей московскихъ.*)

Лука Протасьевъ, Гонецъ.

Лука Протасьевъ. Ты говоришь, разбили на голову нашихъ?

Гонецъ. Разбили бояринъ. Ледва народъ-то собрали, по лѣсу разбрелися,—кто куда; трубили, трубили, на силу собрали.

Лука Протасьевъ. Чего-же воеводы-то глядѣли?

Гонецъ. Сполохъ великъ былъ. Нечего воеводамъ дѣлать было; напали на насъ ночью; сначала князь Василій съ пѣшцами; мы сцѣпилися, стояли было крѣпко. Да тверской князь, съ конниками ярославскими, налетѣлъ намъ въ тылъ; тутъ съ двухъ сторонъ и ну насъ жарить. Намъ ужъ дѣться то и некуда.

Лука Протасьевъ. Ну что-же вы?

Гонецъ. Сбили насъ, вотъ словно ястребъ галогъ; въ мячъ. Ночь темная,—не вѣдашь кого рубишь,—ни своихъ, ни ихнихъ.

Лука Протасьевъ. Ну?

Гонецъ. Ну, прорубились мы кой какъ, сквозь нихъ, да и дай Богъ ноги. Что станешь дѣлать-то? Они, спасибо, не погналися за нами. Какъ увидали что бѣжимъ, забили въ

тулумбасы, затрубили, собрали своихъ и потянулись пѣшцы къ лодкамъ, а конные-то берегомъ, по Волгѣ.

Лука Протасьевъ. А воеводы ваши?

Гонецъ. Воеводы ускакали тутъ въ деревню, по близости. Туда-же, на свѣту, собралися и ратные.

Лука Протасьевъ. Ну, а утромъ не ходили во слѣдъ?

Гонецъ. Нѣтъ не ходили; такъ въ обѣдъ меня сюда отправили, а сами пошли къ Москвѣ.

Лука Протасьевъ. Окаянные... Ступай пока. (*Гонецъ уходитъ*).

Отрокъ. (*входитъ*). Приѣхали князь тверской и ярославской; пошли. слышь, прямо къ хану.

Лука Протасьевъ. А вы чего зѣвали? Сказано: бѣжать тотчасъ ко мнѣ, какъ приѣдутъ. Ваше дѣло подслушивать, да послѣ на поварняхъ болтать не знамо что.

Отрокъ. Да они только что приѣхали; переодѣлись и пошли. Княжичъ Ѳедоръ, слышь у хана, такъ они не къ нему ли развѣ поѣхали.

Лука Протасьевъ. Сгонялъ бы кто на ханской дворъ, узналъ бы; были они у хана, али нѣтъ? Да живѣе. (*Отрокъ выходитъ*). Плохо. Ну, задамъ я воеводамъ, князь Василій насъ на свѣжу воду выведетъ. Новгородцы слышно тоже да псковичи идутъ съ дарами помогать князю Александру Михайловичу. Мѣшкать нельзя: борьба на смерть. Посмотримъ кто осилить. И мнѣ, вѣдь, пасть,—тебѣ быть на великомъ княженьи князь Александръ Михайловичъ. Проходу не дадутъ Лукѣ, подымутъ на смѣхъ твой бояришки. Нѣтъ, пусть ка на Твери,—да не въ одной Твери, въ Новгородѣ, во Псковѣ,—Лукѣ поклонятся; пускай тогда попробуетъ кто называть Луку душой продажной; заморю въ порубѣ. Эй, кто тамъ есть. (*Отрокъ входитъ*). Ну что? воротился съ ханскаго двора гонецъ?

Отрокъ. Нѣтъ, небывалъ еще.

Лука Протасьевъ. Псы окаянные. Гони за нимъ. Скорѣе! Тутъ дорогъ часъ. (*Отрокъ уходитъ*). Ну, даровъ и хану самому и рядцамъ только подавай теперь. Хошь добра, посыпь серебра, пословица. Да такъ и быть ужъ. Только бы... Уходимъ этого, другихъ бояться неча. Изъ братьевъ, вѣдь, его веревки вей. (*Отрокъ входитъ*). Ну что?

Отрокъ. Да нѣту ихъ. слышь, на дворѣ на ханскомъ. Уѣхали, баютъ, къ хановой.

Лука Протасьевъ. Коня мнѣ изготовить. За толмачемъ пошлите, за мною ѣхаль бы. *(Отрокъ уходитъ)*. Поглядимъ князь Александръ Михайловичъ, помогутъ ли тебѣ твои правдивые-то думцы. *(Вынимаетъ изъ лапца мышокъ)*. Вотъ онъ ходатай-то; съ нимъ вездѣ пройдешь, всего добудешь. Богатъ возглаголетъ, — вси возмолчатъ, убогъ возглаголетъ, — уста ему заградятъ. Не мимо речено: „несмыслень, безмолвень, а друзей собираетъ“. *(Кладетъ мышокъ за пазуху)*. Красно: что говорить, и мнозѣй хвалы достойно, еже видѣти мужа въ міру отметающа имѣнья, а какъ безъ нихъ межъ нечестивыми-то? Гдѣ нонче судій-то праведныхъ сыщешь? Градъ Іерусалимъ на Сіонѣ горѣ, а и въ немъ, поскажутъ, не безъ грѣшника.

Отрокъ *(входитъ)*. Конь готовъ бояринъ.

Лука Протасьевъ. Готовъ? Что, бишь, я хотѣлъ? . Да, сходи въ княжую вѣжу, скажи княжичамъ, неравно пришлютъ по нихъ отъ хана безъ меня, повременили бы, не ѣздили; я ворочуся не умедля *(надвигаетъ юрлантую шапку)*. Смотри, не переври же.

Отрокъ. Слышу, бояринъ. *(Оба уходятъ)*.

XVII.

Въжи князя Тверскаго. На столъ церковная книга; передъ образомъ золотая лампада.

Два Отрока. *(Прибираютъ; накрываютъ полшочниками скамьи)*.

1-й Отрокъ. Что это? сѣдла? Къ намъ отнеси въ гридню.

2-й Отрокъ *(съ сѣдлами)*. Ладно. Коверъ-отъ цвѣтной разостлатъ здѣсь?

1-й Отрокъ. Нешто. Да по проворнѣй; князя скоро воротятся.

2-й Отрокъ. *(Выходитъ и тотчасъ возвращается съ ковромъ; и растилаетъ)*. Куда они поѣхали?

1 - й Отрокъ. Къ матери хановой.

2 - й Отрокъ. Что-то будетъ?

1 - й Отрокъ. Пока худаго не видать, бають.

XVIII.

Завота. (*Въ накинутомъ на плеча кафтанъ*). Не бывали... князья?

1 - й Отрокъ. Нѣтуть, не бывали еще.

Завота. Подождать. Усталъ... приобщился слава Богу... да усталъ ужъ больно.

1 - й Отрокъ. Присядь а ты. Знать не легчаетъ? Крѣпко недужаешь?

Завота (*садится*). Мой недугъ извѣстный ... старость. Кончилъ я свой вѣкъ, ребята... Пора костямъ и на покой.

1 - й Отрокъ. Что такъ?

Завота. Да слышу я... идетъ... смерть идетъ.

2 - й Отрокъ. Поправисься.

Завота. Нѣтъ не поправлюсь... Время. (*Отроки выходятъ*).

XIX.

Князь Александръ Михайловичъ, князь Ѳедоръ.

Кн. Александръ Михайловичъ. Нѣтъ, Ѳедоръ, не надѣйтесь на князи, видно, на сыны человѣческіе.

Кн. Ѳедоръ. Съѣздить развѣ еще...

Кн. Александръ Михайловичъ. Не ѣзди; нечего тутъ ѣздить, — нехристь, нехристь и есть; правды нѣту въ нихъ, а мы съ тобой живемъ одною правдой. — Двумъ господамъ служить нельзя.

Кн. Ѳедоръ. Забота... Что съ тобой?

Кн. Александръ Михайловичъ. Дѣдъ здравствуй... Что ты? Исхудалый, блѣдный... Аль нездоровится опять?

З а в о т а. Да... нездоровится. Что... вѣздили ли къ ханшѣ то.

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. Мы отъ нея.

З а в о т а. Не вѣдите... оставьте.. вы... Слутите-ко коверь-отъ. Князь Александръ Михайловичъ.. князь Ѳеодоръ... сядьте. Конецъ мой близъ есть... Чую ее... Дѣдъ вашъ Ярославъ... вотъ крестикъ-отъ;.. сними-ко Ѳедя.. О голубчикъ. (*Цѣлуетъ его въ голову*). Я вамъ, вѣдь, свой...

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. Тебѣ, знать, трудно?

З а в о т а. Дѣдъ.. князь Ярославъ... его вѣдь крестикъ-отъ. Надѣнь а ты... Другой мнѣ дайте... (*Ѳеодоръ мнѣняетъ съ нимъ крестами*). Онъ мнѣ... отецъ... Родные!..

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. И ты... такъ онъ тебя-то усыновилъ! О --я искалъ тебя, весь вѣкъ искалъ, и ты... Прости насъ дядя. (*Обнимаетъ Заботу*).

(*Князь Ѳеодоръ опускается на колѣни*).

З а в о т а. Въ чемъ?.. Мы жили вмѣстѣ.. вмѣстѣ и помремъ... а сердце сердцу... помните чай, не одинова... не разъ... вѣсть подавало.. Охъ... она... пора мнѣ.. Благо... благослови васъ Богъ... простите...(*Умираетъ сидя*).

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. (*плчетъ*). Отшель.

К н. Ѳеодоръ (*подымаясь съ колѣнъ*). Сынъ Ярослава, прадѣда? Онъ наша кровь? Недаромъ въ голубыхъ очахъ его любовь свѣтилася такая, когда, бывало, взглянетъ на меня.

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. Вотъ безкорыстье! Всю-то жизнь отдать другому; ничего себѣ. Прямой ужъ Ярославичъ! Сами, на княжихъ ругахъ, мы вынесемъ князей великихъ отрасль благородную... Надѣнемъ бармы... Ну берись съ молитвой. (*Берутъ тѣло*). Вотъ сюда... подъ образа положимъ. (*Выносятъ въ боковую дверь*).

XX.

Князь Александръ Михайловичъ, князь Ѳеодоръ.

К н. А л е к с а н д р ъ М и х а й л о в и ч ъ. Дивныя дѣла свершаются!... Ну, Ѳеодоръ, время намъ готовиться; скажи-ка Отроку позвалъ бы отца Никиту. Время. Часъ недалекъ.

Кн. Феодоръ. Скажу (*Выходитъ*).

Кн. Александръ Михайловичъ. О... Тяжко... Тяжко... мнѣ. Будь я одинъ... жаль сына... Вѣдь только началъ было, жить-то... Красавецъ мой... Весь въ мать свою, весь! сердце, умъ что въ старцѣ; и незлобивый, и чистый словно голубь... Жертва чистая. Не намъ чета... Безгрѣшный!

Кн. Феодоръ (*входитъ*). Я послалъ за батюшкой.

Бн. Александръ Михайловичъ. Присядь-ко (*садется*). Знаешь ты къ чему мы съ тобой готовимся-то?

Кн. Феодоръ. Знаю.

Бн. Александръ Михайловичъ. Не тяжело тебѣ? Не грустно... жизнь покидать во цвѣтѣ... Ты вѣдь травка зеленая, весенняя... цвѣтокъ благоуханный, распутившійся едва... Мой голубь чистый (*цѣлуетъ его въ голову*).

Кн. Феодоръ. Нѣтъ батюшко, съ тобой не тяжело мнѣ... Матушка вотъ только... Да тамъ, вѣдь, всё увидимся.

Кн. Александръ Михайловичъ. Увидимся. Всѣхъ ихъ, родимыхъ нашихъ, тамъ увидимъ, Феодоръ... Пойдемъ же. Ты достоинъ зваться внукомъ князя Михаила Ярославича; птенецъ ты не послѣдній гнѣзда орлиаго тверскихъ князей, родныхъ.

Отрокъ (*входитъ*). Пришелъ священникъ, княже.

Бн. Александръ Михайловичъ. Мы идемъ (*уходятъ*).

XXII.

Два Отрока. (*Вносятъ одежды. Говорятъ почти шопотомъ*). Все ли взяли мы отъстряпчаго? Кафтанъ становой, перваго наряда золотной парчи.

2-й Отрокъ (*пересматриваетъ на рукѣ одежды*). Золотной; перваго наряда. Руки трясутся!

1-й Отрокъ. А князя Феодора уборъ? Ферязъ голубая шелкова. Кафтанъ становой, серебрянной парчи.

2-й Отрокъ. Здѣсь, все здѣсь.

1-й Отрокъ. Шапка, околь соболій, верхъ лазоревый.

2-й Отрокъ. Шапки ужъ отнесены.

1-й Отрокъ. Ну понесемъ же... Вотъ на какое дѣло намъ доведось собирать князей. Помилуйнасъ Господи. (*Уходятъ*).

XXIII.

Князь Александръ Михайловичъ, князь Ѳеодоръ
(*входятъ черезъ нѣсколько времени одѣтые*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Идемъ на праздникъ,— и одежды потребны праздничныя, свѣтлыя. Какой же ты благообразный въ праздничномъ уборѣ.

(*Прислуга толпится у дверей. Стояновъ входитъ изъ боковой двери*).

Стояновъ. Князь великій, благослови.

1-й Отрокъ. Князь Ѳеодоръ. (*Цѣлуетъ руку*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Богъ благословить. Прощайте. Дядю похороните на Твери съ честью. Что сказать княгинѣ и князьямъ, вы знаете. Грамотки отдайте. Буди на васъ на всѣхъ благословенье Божіе.

3-й Отрокъ. (*Вбѣгаетъ*) Тебя зовутъ, великій княже.

Кн. Александръ Михайловичъ. Ѳеодоръ... пойдёмъ... Молитесь. (*Уходятъ*).

XXIV.

(*Площадь передъ вѣжею князей Тверскихъ*.)

Народъ (*стоитъ по сторонамъ*). Толпа русскихъ. Пятеро татаръ (*съ кинжалами*). Толмачъ. Князь Александръ Михайловичъ, и князь Ѳеодоръ. (*Выходятъ изъ вѣжи; руки сложены у обоихъ на груди крестообразно; глаза подняты. Идутъ оба рядомъ*).

Толмачъ (*вынимаетъ изъ за пазухи ярлыкъ*). Вотъ они, вороги ханскіе. Бейте. (*Татары кидаются и бьютъ кинжалами прямо въ грудь князя Александра Михайловича; князя Ѳеодора бьютъ кинжаломъ въ затылокъ*).

Кн. Александръ Михайловичъ. Готова Господи... готова... душа моя... О... Ѳеодоръ...мать... молися... о... (*падаетъ*).

Б. Н. Федоръ. Небо!... Дѣдь... Отецъ скорѣе! (Падаетъ внизъ лицомъ).

(Толпа татаръ со свистомъ и крикомъ „айда“ бросаются грабить вѣжу. Тѣло князя Александра Михайловича уби́ицы тащатъ за толпу. Русскіе, крестьянъ, обступаютъ трупъ князя Федора).

XXV.

1-й изъ народа. Какой пригожій, да молодой, братцы. Поглядите-ко. Жить бы да жить. (Татары уносятъ трупъ князя Федора).

2-й изъ народа. Знать грабятъ вѣжу-то княжую, обаянные.

1-й изъ народа (смотритъ въ ту сторону, куда унесли тѣло князя Александра). Смотри-ко... Охъ... Смотрите: по составамъ розняли безбожники!

2-й изъ народа. И то... Будетъ имъ душегубцамъ. Покараетъ Богъ за это.

1-й изъ народа. Да въ чемъ ихъ вина-то?

2-й изъ народа. А въ томъ ихъ вся вина: ходили стезею правою. Лукавить не умѣли.

XXVI.

Шолога, Истома, Новогородецъ. (Входятъ).

Шолога. Здѣсь вѣжа, земляки, князя Тверскаго Александра Михайлыча?

1-й Голосъ. Здѣсь да его то самого ужъ нѣту въ вѣжѣ.

Истома. Гдѣ-же онъ?

1-й Голосъ. Да долго жить велѣлъ.

Истома. Что? Умеръ?

Шолога. Господи помилуй насъ!

Новогородецъ. Убиты!

Истома. Продали!... Поспѣли мы на панихиду, ... я говорилъ вамъ, „продадутъ“, Лука поѣхалъ. (Молчаніе) Братья! Правда рушится; земля родная гибнетъ! Думайте...

Шолога. Въ гробамъ первое; во гробамъ, покаяться. Глядите: до чего насъ довела вражда. Кого мы погубили-то? Защитниковъ нашихъ прямыхъ, оборону земскую погубили. Вотъ кого. Имъ благо, имъ вѣнцы нетлѣнные. Намъ горе, братья: „прострете руки, не услышу“ рече Господь. Перво раскаянемъ, слезами смоемъ пятна невинной крови насъ обагрившей. (*Гсть снимаютъ шапки*). У ихъ гробовъ обнимемъ; и всей землей тогда дерземъ, смиренно, молити Господа да ниспошлетъ на нашу Русь, *единую* любовью животворящей лучь Его любви святой.

Н. Чаевъ.

IVXX

(за-бонд) андактетсезН ,акс

0011

1874

1874

1874

1874

1874

1874

1874

1874

1874

1874

1874